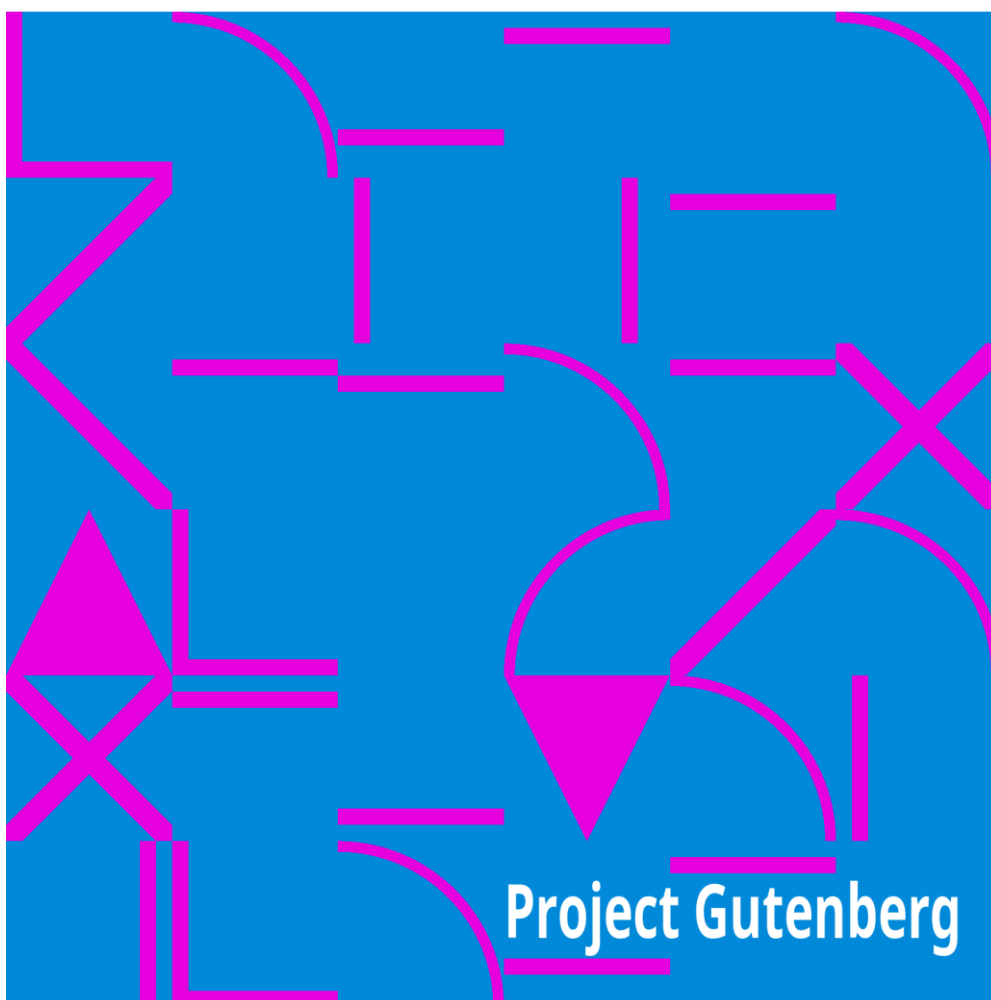

Жизнь в средневековом университете

Роберт С. Райт

Life in the Medieval University

Robert S. Rait

The Project Gutenberg eBook of Life in the Medieval University.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Жизнь в средневековом университете

Автор: Роберт С. Рейт

Дата выхода: 2 апреля 2007 [eBook #20958]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тьерри Альберто, Генри Крейгом, Кристин П. Трэверс и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK LIFE IN THE MEDIEVAL UNIVERSITY ***

Кембриджские справочники по науке и литературе

ЖИЗНЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лондон: FETTER LANE, E.C. 4

С. Ф. КЛЭЙ, менеджер

Нью-Йорк: G. P. PUTNAM'S SONS

Бомбей, Калькутта и Мадрас: MACMILLAN AND CO., Ltd.

Торонто: J. M. DENT & SONS, Ltd.

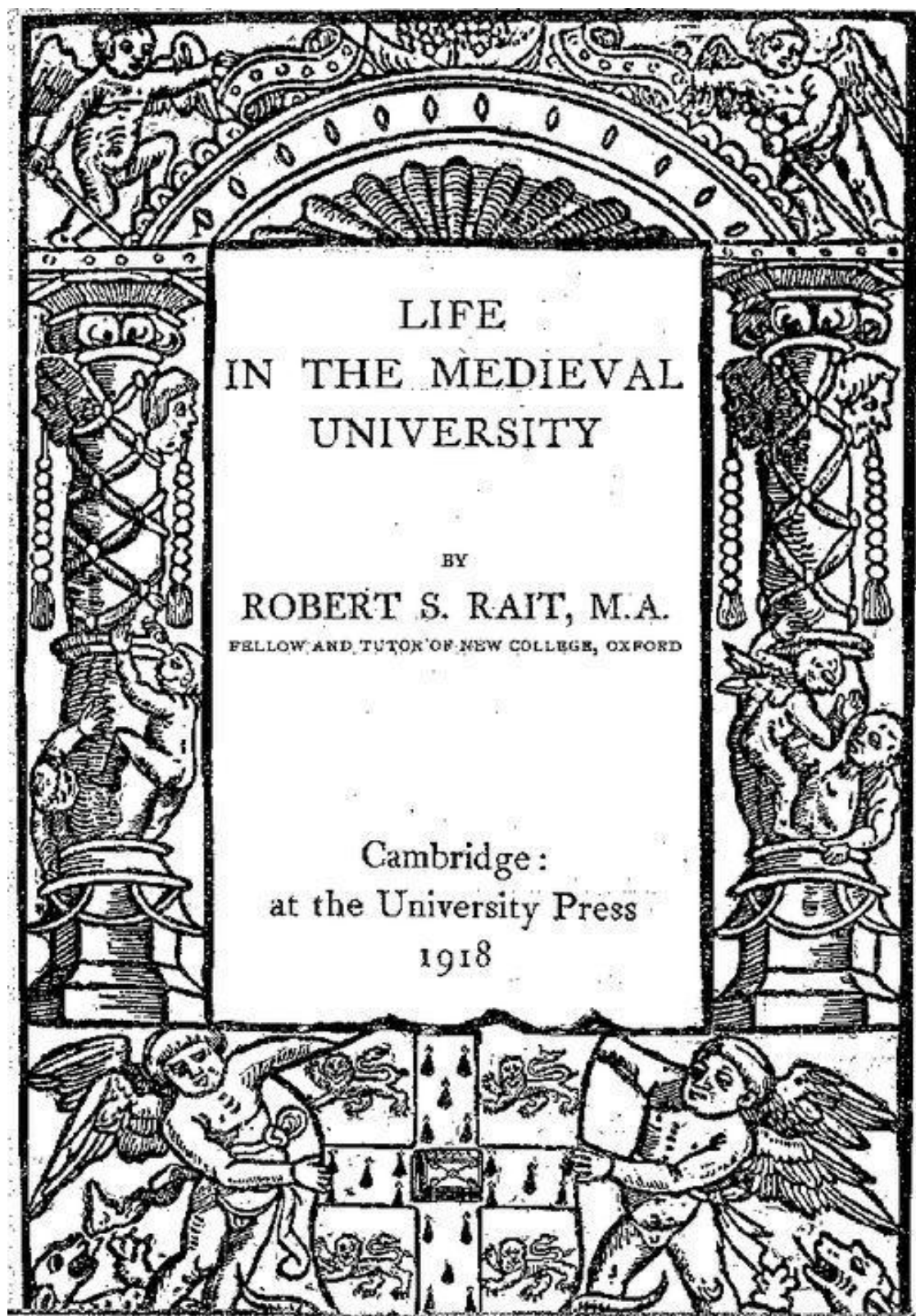
Токио: MARUZEN-KABUSHIKI-KAISHA

Все права защищены

Прогресс студента

(Из философской Маргариты Грегора Рейша, издание 1504 года, Страсбург)

Первое издание, 1912 г.

Перепечатано в 1918 году

За исключением герба у подножия, дизайн титульного листа воспроизводит дизайн, использованный самым первым известным кембриджским печатником Джоном Сиберчем, 1521 год.

ПРИМЕЧАНИЕ К ФРОНТИСПИСУ

На этой картине изображен школьник, прибывший со своим ранцем, которому Никострата, латинская муза Карментис, изменившая греческий алфавит на латинский, вручает роговую книгу. Она впускает его ключом *конгрутас* в дом Мудрости ("Мудрость построила дом свой, вытесала семь столбов своих", *Притчи* ix. 1). В самом нижнем рассказе он начинает обучение в Донате под руководством бакалавра искусств, вооруженного розгами; в следующем он получает звание Присциана. Затем следуют другие предметы *тривиума* и *квадривиума*, каждый из которых представлен своим главным экспонентом: логика - Аристотелем, арифметика - Боэцием, геометрия - Евклидом и т. д. Философа Птолемея, представляющего астрономию, путают с одноименными царями. Плиний и Сенека представляют более продвинутое изучение физических и моральных наук соответственно, а венчает здание теология, долгий и трудный курс которой следовал за курсом искусств. Ее представителем в средневековом трактате, естественно, является Петр Ломбард.

ПРИМЕЧАНИЕ

Я хочу выразить свою признательность многим недавним авторам истории университетов, а также редакторам университетских уставов и других документов, из которых я почерпнул иллюстрации средневековой студенческой жизни. Особую благодарность я должен выразить доктору Гастингсу Рашдаллу, стипендиату Нью-Колледжа и канонику Херефорда, чьей великой работе "*Университеты Европы в Средние века*" я обязан всеми последующими страницами. Доктор Рашдалл был достаточно любезен, чтобы прочитать мои корректурные листы и сделать ценные критические замечания и предложения, а магистр Эммануил оказал мне аналогичную услугу.

R. C. P.

23 января 1912 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I - Вводная

Чосер и средневековый студент - Великий период основания университетов - Слова "Universitas", "Collegium", "Studium Generale" - Болонья - Пост Studia Generalia - Париж, Оксфорд, Кембридж - Определение "Universitas"

Глава II - Жизнь в студенческих университетах

Студенческие гильдии в Болонье - "нации" - Коллегия докторов - отношения с городом - положение английского студента-юриста в Болонье, его отношения с нацией и университетом - должность ректора - власть университета над гражданами - деградация болонских магистров - экзамены - докторская степень - правила - Падуя - ограничения полномочий ректора во Флоренции - испанские университеты - женатые доны

Глава III - Университеты магистров

Ранняя история Парижского университета - Факультеты - "нации" - Борьба с канцлером - Положение ректора - Оксфорд - "нации" - Прокторы - Юрисдикция университетов - Германия - Шотландия

Глава IV - Дисциплина в колледже

Возникновение системы колледжей - Мертон - Подражания правилу Мертона - Новый колледж - Увеличение числа правил - Латинский язык - Разговор в зале - Питание - Комнаты колледжа - Развлечения - Наказания - Введение телесных наказаний - Постриг - Посещение капеллы - Каникулы - Гостеприимство - Карьера английского студента - Значение "Бедных и неимущих стипендиатов" - Система колледжей в Париже - Сконсинг - Другие французские университеты - Посещение средневекового колледжа

Глава V - Дисциплина в университете

Рост дисциплинарных правил в Париже и Оксфорде - Протоколы канцлерского суда - Дисциплина в бесквартирных залах - Академическая одежда, ограниченная выпускниками - Лувен - Лейпсик - Смягчение наказаний - Шотландские университеты - Застольные манеры в Абердине - Жизнь в Гейдельберге

Глава VI - "Пришествие Джокунда"

Прием баджана в Париже - Университеты Южной Франции - Аббас Бежанорум - "Иокундово пришествие" в Германии - "Депозицио" - Оксфорд - Шотландия

Глава VII - Город и платье

Вена - День Святой Схоластики в Оксфорде - Нападения членов университета - Записи "Acta Rectorum" в Лейпсике - Парижские ученые и монахи Сен-Жермена

Глава VIII - Предметы изучения, лекции, экзамены

Обучение на латыни - Подготовка к поступлению в университет - Мастера грамматики - Французский язык в Оксфорде - "Закон" в грамматике - Семь свободных искусств и три философии - Учебники - Обычные и курсовые лекции - Методы чтения лекций - Повторения и диспуты - Преподавание в университете и колледже - Экзамены в Париже, Лувене и Оксфорде - Определяющий праздник - Уолтер Пастон в Оксфорде

Приложение

Библиография

Указатель

ЖИЗНЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

"В Оксенфорде также был клерк,
Что к логике долго шел.
Так же длинны были его кони, как и грабли,
И он не был толстым, как я полагаю;
Но был он честен и трезв,
Фул тридбар был его самым большим куртизаном,
Ибо он не получил от него никакой милости,
И не был столь мирским, чтоб иметь оффис.
Для него у его постели были прикованы
Двадцать боксов, одетых в черное или тростник,

Аристотеля и его философию,
Чем одеяния богатые, иль облегающие, иль нарядные.
Но пусть он был философом,
Но было у него лишь немного золота в кофре;
Но все, что он мог от своих друзей получить,
На учения и на обучение он тратил,
И бизили для душ он добывал
Из тех, кто его в смятении осыпал,
Из учебы он взял больше всего лекарств и больше всего внимания,
Noght o word spak he more than was nede,
И это было сказано в форме и почтении.
И коротким, и быстрым, и полным предложений.
Он был на высоте морали.
And gladly wolde he lerne, and gladly teche".

Рассказ о жизни средневекового университета на сайте вполне мог бы принять форму комментария к классическому описанию средневекового английского студента. Его одежда, характер его занятий и природа его материалов, трудности и естественные амбиции его ученой жизни, его обязательства перед основателями и благодетелями - все это наводит на мысль об эрудированных изложениях, которые в умелых руках могли бы

в разумных руках
распространиться отсюда до Месопотамии,

и послужат для скромной попытки представить себе обстановку, в которой жил один из кентерберийских паломников.

Знаменитые строки Чосера не просто предоставляют возможность для объяснений и комментариев; они дают нам представление о том, какое место отводилось университетам и их студентам в английском общественном мнении позднего Средневековья. Монах из "Пролога" - просто деревенский джентльмен. Его не обвиняют в безнравственности, но он веселый егерь, которому звук звенящей на ветру уздечки нравится больше, чем звон церковных колоколов, любитель собак и лошадей, богатой одежды и больших пиров. Портрет монаха еще менее симпатичен: он завсегдатай кабаков, пожиратель вдовьих домов, человек грубой, возможно, порочной жизни. Монах отказывается от своей обители и ее правил, монах презирает бедняков и прокаженных. Поэт не совершает социалистической атаки на устои общества и не ведет еретического наступления на церковь; он рисует портрет двух типов английского регулярного духовенства. Его описание двух типов английского светского духовенства образует поучительный контраст. Благородные стихи, в которых он рассказывает о добродетелях приходского священника, конечно, подразумевают, что у светских людей тоже были свои соблазны и что они не всегда им противостояли; но факт остается фактом: Чосер выбрал в качестве представителя приходского духовенства того, кто

"не стремился к благочестию и почтению,
И не сделал его шпионом совести",
Но Христов учение и апостолов двенадцать,
Он учил, но сначала сам следовал им".

История благочестивых и благотворительных фондов подтверждает истинность портрета "Пролога". Основание нового монастыря и одаривание монахов уже перестали привлекать благотворителей, и они обратили свое внимание на университеты, где было много светского

духовенства. Клерки Оксфорда и Кембриджа сменили монахов, а после них и монахов, в привязанности и уважении народа.

За пределами королевства Англия четырнадцатый век был также великим периодом роста университетов и колледжей, которым по всей Европе папы, императоры, короли, князья, епископы и муниципалитеты даровали привилегии и пожертвования. Попытка указать различные причины и условия, которые в разных странах привели к росту числа и богатства учебных заведений, означала бы отклонение от нашей темы; но мы можем считать период с середины XIV до середины XV века периодом, когда средневековый университет наиболее ярко проявил себя в воображении народов Европы. Его институциональные формы стали определенными, терминология устоялась, и материалов для изучения жизни студента XIV века предостаточно. Условия студенческой жизни, конечно, варьировались в зависимости от страны и климата, а также от различий в конституциях отдельных университетов и их отношений с церковью и государством. Единой картины средневекового студента нарисовать невозможно, но в качестве центральной точки нашего исследования будет удобно выбрать вторую половину XIV или первую половину XV века.

Мы уже использовали технические термины "университет", "колледж", "студент", которые требуют разъяснения, и другие будут возникать по ходу нашего исследования. Что такое университет? В настоящее время в Англии университет - это корпорация, чьи полномочия по присвоению определенных степеней признаны государством; но ничего подобного не подразумевается в слове "университет". Его буквальное значение - это просто ассоциация. Недавние авторы, занимающиеся историей университетов, отмечают, что *Universitas vestra* в письме, адресованном группе лиц, означает просто "все вы", и что этот термин ни в коем случае не ограничивался учеными организациями. Он часто применялся к муниципальным корпорациям; доктор Рэшдалл в своем научном труде говорит нам, что средневековые писатели использовали его, обращаясь ко "всему верному христианскому народу", и приводит пример, когда пизанские пленники в Генуе в конце XIII века объединились в "*Universitas carceratorum*". Слово "колледж" не дает нам никакого дополнительного просвета. Оно тоже означает буквально сообщество или ассоциацию, и, в отличие от родственного термина "университет", никогда не сводилось к схоластическому объединению. Сенаторы "Коллегии правосудия" - это судьи Верховного суда Шотландии.

Мы должны призвать на помощь третий термин. На заре становления европейских университетов в обиход вошла фраза, которую иногда пишут как *Studium Universale* или *Studium Commune*, но чаще всего - *Studium Generale*. Оно использовалось во многом в том же смысле, в каком мы говорим об университете сегодня, и для решения нашей проблемы необходимо сделать краткий набросок его истории.

Двенадцатый век вызвал в Европе оживление интереса и возрождение обучения, отчасти благодаря влиянию таких великих мыслителей, как Ансельм и Абеляр, а отчасти благодаря открытию утраченных трудов Аристотеля. Импульс, приданный учебе, привел к увеличению числа студентов, а студентов, естественно, привлекали школы, где мастера и учителя обладали или оставили после себя великие имена. В Болонье в первой четверти двенадцатого века был великий учитель гражданского права, а в середине того же века там жил великий писатель канонического права. Поэтому в Болонью стекались студенты, изучавшие право, но не только право. В парижских школах были великие магистры философии и теологии, к которым стекались студенты со всех концов Европы. Многие из иностранных студентов в Париже были англичанами, а когда во время ссоры Бекета с Генрихом II споры между государями Англии и Франции привели к отзыву английских студентов из владений врага их короля, в Оксфорде выросла большая школа, или *Studium*,

которая приобрела нечто похожее на славу Парижа и Болоньи. Борьба между клерками, учившимися в Оксфорде, и жителями города разгорелась во время выступления Иоанна против папства, когда король объявил духовенство Англии вне закона, и эта борьба привела к возникновению школы в Кембридже. В Италии институты Студиума в Болонье были скопированы в Модене, Реджио, Виченце, Ареццо, Падуе и других местах, а в 1244 или 1245 году папа Иннокентий IV основал Студиум другой конституции, в зависимости от папского двора. В Испании великие школы выросли в Паленсии, Саламанке и Вальядолиде, во Франции - в Монпелье, Орлеане, Анжере и Тулузе, в Лионе и Реймсе. Таким образом, импульс, данный Болоньей и Парижем, привел к основанию новых или развитию старых студий, поскольку во многих из упомянутых нами мест уже существовали известные школы до того периода, о котором мы сейчас говорим (ок. 1170-1250 гг.). Между этими многочисленными школами неизбежно должно было возникнуть соперничество, которое усиливалось по мере того, как маленькие и незначительные Студии претендовали на равенство в статусе со своими более древними и великими современниками. Таким образом, во второй половине XIII века возникла необходимость в определении и ограничении термина *Studium Generale*. Желательность такого определения усилилась в связи с практикой предоставления церковнослужителям освобождения от проживания в своих бенефициях для целей обучения; для предотвращения злоупотреблений было необходимо, чтобы такое разрешение было ограничено рядом признанных *Studia Generalia*.

Трудность обеспечения соблюдения такого определения почти во всей Европе может показаться большой, но на самом деле она была незначительной. В первой половине XIII века термин *Studium Generale* приобретает признанное значение; школа, претендующая на это название, не должна быть ограничена уроженцами определенного города или страны, в ней должно быть несколько магистров, и в ней должны преподаваться не только семь свободных искусств (о которых нам придется говорить позже), но и одно или несколько высших искусств - теология, право и медицина (см. Rashdall, vol. i. p. 9). Но этот титул все еще мог быть принят по желанию амбициозных школ, и потребовалось вмешательство великих князей Европы, чтобы обеспечить механизм для разграничения общих и частных студий. Уже в двенадцатом веке император и папа римский даровали особые привилегии студентам Болоньи и других ломбардских городов, а король Франции - ученым Парижа. В 1224 году император Фридрих II основал Неаполитанский магистрат, а в 1231 году он дал большие привилегии Медицинской школе в Салерно, которая была гораздо древнее Болонской, но существовала исключительно для изучения медицины и не оказала никакого влияния на развитие европейских университетов. Папа Григорий IX основал Студиум в Тулузе за пятнадцать лет до того, как Иннокентий IV учредил Студиум при римском дворе. В 1254 году Альфонсо Мудрый из Кастилии основал Генеральную студию в Саламанке. Таким образом, стало обычным явлением, когда школа, претендовавшая на статус Генерального студийума, обладала авторитетом папы, императора или короля.

Постепенно возникло различие между Генеральными студиями под властью Папы или императора и теми, которые были основаны королем или городской республикой и назывались *Генеральными студиями по отношению к регентам*. Это различие было основано на полномочиях императора или папы предоставлять *jus ubique docendi*. Эта привилегия, которую не мог предоставить ни один из низших понтификов, давала мастеру одного *Studium Generale* право преподавать в любом другом; она была более ценной в теории, чем на практике, но пользовалась таким уважением, что в 1292 году Болонья и Париж приняли эту привилегию от папы Николая IV. Некоторые из упомянутых нами Студий, существовавших в первой половине XIII века, - Модена в Италии, Лион и Реймс во Франции - так и не получили этой привилегии, а поскольку их организация и значение не оправдывали

их включения в число *Studia Generalia*, они никогда не занимали места среди университетов Европы. Статус Болоньи и Парижа был, конечно, общепризнан до и помимо булл Николая IV; Падуя приняла папский грант только в 1346 году, и то лишь в качестве подтверждения, а не создания своих привилегий в качестве *Studium Generale*; Оксфорд никогда не получал, хотя дважды просил о декларативной или подтверждающей булле, и основывал свои притязания на незапамятных обычаях и собственном великом положении. Кембридж, который в XIII веке был гораздо менее значимым местом обучения, чем Оксфорд, был официально признан Папой Иоанном XXII в 1318 году в качестве *Studium Generale*; но его притязания на этот титул были признаны уже давно, во всяком случае, в пределах Английского королевства. После 1318 года Кембридж мог предоставлять *лицензию вечного доцента*, которую Оксфорд формально не давал, хотя оксфордцы, как выпускники *Studium Generale*, безусловно, обладали этой привилегией.

Задолго до того, как определение *Studium Generale* как школы, обладающей, по дару Папы или императора, *jus ubique docendi*, стало общепринятым в Европе, мы встречаем более привычный термин "*Universitas*", который мы теперь в состоянии понять.

Universitas был ассоциацией в мире обучения, которая соответствовала гильдии в мире торговли, объединением людей, живущих в *Studium* и имеющих некоторые общие интересы для защиты и продвижения. Изначально *Universitas* мог существовать в менее значимой школе, чем *Studium Generale*, но мы не касаемся исключительных случаев такого рода. К тому времени, которое мы выбрали в качестве центрального пункта нашего исследования, значение этих гильдий или университетов настолько возросло, что слово "*Universitas*" стало эквивалентно "*Studium Generale*". В пятнадцатом веке, говорит нам доктор Рашдалл, эти два термина были синонимами. *Universitas Studii*, гильдия школы, стала, технически и официально, самой *Studium Generale*, а *Studia Generalia* отличались тем, какими университетами или гильдиями они обладали. Обычно принято говорить о Болонье и Париже как о двух великих архетипических университетах, и это описание не зависит от простого приоритета даты или от импульса, который дали мысли и интересам в Европе их учителя или их методы. Болонья и Париж были двумя *Studia Generalia* с двумя различными и непримиримыми типами *Universitas*. Болонские университеты были гильдиями студентов; парижские университеты были гильдиями мастеров. Великие центры обучения в средневековой Европе были либо университетами студентов, либо университетами мастеров, подражанием Болонье или Парижу, либо модификациями одного или другого, либо того и другого. Невозможно составить список и разделить средневековые университеты на отделения. Нет ничего более сложного для классификации, чем конституции живых обществ; конституция, которую один человек может рассматривать как модификацию конституции Болоньи, по мнению другого, будет более правильно описана как модификация конституции Парижа, и развитие в конституции университета может быть признано изменившим его фундаментальное положение и перевести его из одного класса в другой.

Там, где студенты сами принимали законы, их правила не были ни многочисленными, ни подробными. Поэтому наши сведения о жизни студенческих университетов сравнительно невелики, и мы будем рассматривать главным образом университеты магистров. Однако важно понять, какие полномочия приобрели студенческие гильдии в Болонье, институты которых были воспроизведены большинством итальянских университетов, университетами Испании и Португалии и, гораздо менее точно, небольшими университетами Франции.

ГЛАВА II

ЖИЗНЬ СТУДЕНЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Университеты или гильдии, образовавшиеся в Болонском генеральном университете, представляли собой объединения иностранных студентов. Отсутствие политического единства на итальянском полуострове было одним из обстоятельств, обусловивших своеобразную и характерную конституцию, сложившуюся в итальянских университетах. Знаменитый Studium в итальянском городе-государстве должен был по необходимости привлекать значительную часть иностранных студентов. Эти иностранные студенты не имели ни гражданских, ни политических прав; они были людьми "вне своего закона", для которых правительство, под властью которого они жили, предоставляло малое и неопределенное обеспечение. Их сила заключалась в их численности и в том эффекте, который их присутствие производило на процветание и репутацию города. Они рано осознали необходимость объединения, чтобы в полной мере использовать имеющееся у них наступательное и оборонительное оружие. Люди, приезжавшие изучать право в Болонью, не были школьниками; некоторые из них были церковниками, другие - юристами, и большинство из них обладали достаточными средствами к существованию. Положения римского права благоприятствовали созданию таких защитных гильдий; привилегии и иммунитеты духовенства давали аналогию притязаниям иностранных студентов на собственные законы; а угроза отделения большой общины могла сделать город-государство податливым на аргументы. Рост гильдий или сообществ, объединенных общими интересами и защищенных торжественными клятвами, - одна из особенностей европейской истории XII и XIII веков, и студенты Болоньи не предприняли ничего необычного или экстраординарного, когда образовали свои университеты.

Разделение студентов на "нации", которое до сих пор сохранилось в некоторых шотландских университетах, происходит от этого гильдейского движения, образовавшегося в Болонье в конце двенадцатого - начале тринадцатого века. Ни одному жителю Болоньи не разрешалось быть членом гильдии, в защите которой он не нуждался. Сначала наметилась тенденция к образованию ряда университетов, членство в которых определялось соображениями национальности. Но условия, приведшие к образованию этих университетов, должны были привести и к некоторой унификации, и вскоре в Болонье перестали существовать две большие гильдии, разделенные по географическому принципу на Universitas Citramontanorum и Universitas Ultramontanorum. Каждая из них была разделена на нации; цис-альпийский университет состоял из лангобардов, тосканцев и римлян, а транс-альпийский - из разных народов, включая испанцев, гасконцев, провансальцев, норманнов и англичан. Три цис-альпийские нации были, конечно, гораздо более многочисленны в Болонье, чем дюжина или более транс-альпийских, и поэтому они были разделены на секции, известные как Consiliae. Студенты искусств и медицины, которые поначалу не имели собственной организации и находились под контролем великих гильдий, в XIV веке сумели создать новый Universitas внутри Studium. Влияние медицины преобладало, так как курс искусств рассматривался в Болонье лишь как подготовка к изучению права и, особенно, медицины; но этот третий Universitas дал определенный статус и определенные права студентам искусств. В том же столетии два юридических университета стали действовать вместе настолько постоянно, что в практических целях они были объединены, так что к началу пятнадцатого века Болонский Studium Generale содержал фактически два университета, один - юридический, а другой - искусств и медицины, управляемый свободно избираемыми ректорами. Своеобразные отношения теологии к Студиуму и университетам - это тема, которая относится к конституционной истории, а не к нашему специальному предмету.

Болонским университетам приходилось вести борьбу с двумя другими организациями - гильдиями мастеров и властями этого города-государства. Первую они держали в подчинении; в конце концов они уступили второй. Гильдия мастеров, докторов или профессоров существовала в Студиуме еще до появления Университетов, и она сохранилась с ограниченными, но четко определенными полномочиями. Слова "доктор", "профессор" и "магистр" или "господин" поначалу использовались безразлично, а магистр искусств шотландского или немецкого университета до сих пор значится в дипломе как доктор философии. В Болонье термин "магистр" использовался мало, но удобно использовать "мастер" и "студент" как общие термины для обозначения учителя и обучаемого. Мастера были учителями Студиума, и они защищали свои интересы, формируя гильдию, члены которой, и только они, имели право преподавать. Изначально получение диплома было принятием в гильдию мастеров, и главной привилегией, связанной с этим, было право преподавать. В Болонье эта привилегия в конечном итоге стала лишь теоретическим правом, а преподаватели превратились в тесную корпорацию профессоров, подобную сенату шотландского университета.

Гильдия или коллегия магистров, преподававших право в болонском Studium, естественно, возмущалась появлением студенческих университетов. Доктора, говорили они, должны избирать ректоров, как это делается в Париже. Ученые не занимаются никаким ремеслом, они лишь ученики тех, кто занимается своей профессией, и они не имеют права выбирать себе правителей так же, как подмастерья скорняков. Мастера были гражданами Болоньи, и можно было ожидать, что государство поможет им в борьбе с иностранными подмастерьями; но угроза миграции перевесила чашу весов в пользу учеников. Не было ни зданий, ни средств, которые могли бы затруднить миграцию, но время от времени она все же происходила. Средства к существованию самих мастеров зависели от платы; в Болонье они часто были мирянами, не имевшими благотворительности, а также жен и детей, которых нужно было содержать. С течением времени, когда преподавателей-магистров стало мало, им стали выдавать жалованье, сначала сами студенты-университеты, а затем город, который боялся обидеть студентов-университетов. Таким образом, они в значительной степени перешли под контроль университетов; насколько, мы увидим по ходу нашего повествования. Городские власти безуспешно пытались обуздать университеты и предотвратить миграцию, но студентам при поддержке папства удалось сохранить силу своих организаций, и когда в середине XIV века отделение от Болоньи прекратилось, студенты добились признания и большинства привилегий, которых они желали. Со временем власть государства в Болонье и других городах возросла, республиками или тиранами в итальянских университетских городах стали назначаться органы *Reformatores Studii*, и эти советы постепенно поглотили управление университетами. Основание колледжей-интернатов и возведение зданий самими университетами лишило студентов возможности возродить давно не используемое оружие миграции, а когда власть папства стала верховной в Болонье, свободе студенческих университетов пришел конец. Однако это относится к более поздней эпохе. Теперь мы должны попытаться получить некоторое представление о жизни средневекового студента в Болонье в период величия университетов.

Мы выберем англичанина, который прибывает в Болонью в начале XV века, чтобы изучать право. Он сразу же становится членом английской нации Трансмонтанского университета; он платит взнос, приносит клятву послушания ректору, и его имя заносится в "*matricula*", или список членов университета. Он не ищет ночлег, как современный студент шотландского университета, а объединяется с несколькими товарищами (*socii*), вероятно, из своей нации, чтобы снять дом. Если бы наш новоприбывший был испанцем, ему, возможно, посчастливилось бы найти место в великом испанском колледже, основанном во второй

половине XIV века; как бы то ни было, он и его друзья поселились почти как граждане Болоньи. Успех университетов в попытке сформировать гражданство вне государства давно уже привел к созданию полугражданства и внутри государства. Законы города Болоньи позволяли студентам считаться гражданами до тех пор, пока они являлись членами университета. Наш молодой англичанин, конечно, не имеет никакого участия в управлении городом, но он обладает всеми правами, необходимыми для защиты своей личности и имущества; он может составить законное завещание и подать иск против гражданина. Существование этих привилегий, необычных и примечательных для средневекового государства, может возбудить его любопытство относительно способа, которым они были получены, и ему, вероятно, расскажут странные и ужасные истории о тех плохих старых временах, когда иностранный студент был таким же беспомощным, как и любой другой иностранец в чужом городе, и мог быть подвергнут пыткам несправедливыми и тираническими судьями. Если он исторически подкован, то узнает о возникновении мелких гильдий, которые теперь объединены в его Universitas; о том, как, подобно другим гильдиям, они были благотворительными обществами, заботившимися о больных и бедных, хоронившими умерших, устраивавшими общие религиозные службы и общие пиры. Ему расскажут (на языке, незнакомом в Оксфорде), как прокторы или представители гильдии посылались, чтобы подбодрить больных и, если нужно, облегчить их нужды, а также примирить поссорившихся членов. Корпоративная оплата праздников включала в себя расходы на замену разбитых окон, которые (во всяком случае, среди немецких студентов в Болонье), похоже, ассоциировались со случаями ликования. Гильдия оплачивала освобождение одного из своих членов, находившегося в тюрьме, но также настаивала на выплате долгов, даже тех, кто "опустился". Важно было поддерживать авторитет гильдии среди жителей Болоньи.

Многие из этих целей по-прежнему выполняла "нация", к которой принадлежал наш болонский первокурсник: но действительно важной организацией был его Universitas. Одна из его первых обязанностей могла быть связана с выборами нового ректора. Название этой должности было распространено в Италии и являлось эквивалентом Подесты, или главного магистрата, итальянского города. Выбор нового ректора, вероятно, был бы ограничен, поскольку эта честь стоила дорого, а доля штрафов, которую получал ректор, почти не покрывала его расходов. Поскольку в его юрисдикцию входили клерки, то, согласно Каноническому праву, он должен был иметь постриг и быть, во всяком случае, технически, клерком. Он не мог принадлежать ни к какому религиозному ордену, обязательства перед которым могли бы противоречить его долгу перед Университатом, а расходы на эту должность делали желательным, чтобы он был бенефициарным клириком, освобожденным от проживания в своем бенефисе; он мог приступить к своим обязанностям в возрасте двадцати четырех лет, и он не обязательно был священником или даже дьяконом. Наш первокурсник сыграл небольшую роль в выборах. Как представитель английской нации, он должен был помочь выбрать консилиария, который имел право голоса на выборах и входил в постоянный совет ректора. Достоинство положения ректора внушалось нашему новичку его старшими сверстниками, которые могли похвастаться, что, если в Болонью приезжает кардинал, он должен уступить первенство ректору, а урок подчеркивался большим пиром по случаю торжественного вступления в должность, возможно, турниром и танцами, конечно, каким-нибудь более пышным банкетом, чем тот, который давал ректор университета искусств и медицины. После нашего студента возникла странная церемония разрывания мантии нового ректора и продажи ему ее частей, и пришлось принять закон, запрещающий принимать деньги за фрагменты, хотя если кому-то из студентов удавалось захватить мантию, не повредив ее, он мог потребовать ее выкупа. Государственность и гостеприимство, которые предполагал этот пост, привели к тому, что принимать предложение стало

обязательным, но это не смогло поддержать древний престиж ректорства, которое после упадка самих университетов изжило свою полезность.

Как ни велико было положение ректора университета, наш молодой англичанин вскоре обнаружил, что его ректор был лишь конституционным сувереном. Он должен был соблюдать устав и советоваться со своим Советом по важным вопросам. У него не было права отменять наказания, налагаемые правилами, и за любое неправильное управление финансовыми делами университета он нес личную ответственность, когда в конце срока своих полномочий он должен был встретиться с Комитетом и дать отчет о своем управлении. Он мог приговаривать провинившихся студентов к денежным штрафам, но должен был получить согласие своего Совета, прежде чем исключить их или объявить их подвергнутыми церковным и общественным наказаниям за лжесвидетельство. Он претендовал на рассмотрение дел, возбужденных студентами против горожан, и ко времени приезда нашего ученого город признал, что он может судить студентов, обвиненных в уголовных преступлениях, запрещенных университетским уставом, и согласился исполнять его приговоры. Слишком свободное использование светской власти, естественно, привело бы к непопулярности и неприятностям; зрелище студента, отданного в руки тюремщиков Подесты или епископа, не могло быть приятным в глазах Universitas. Ректор не мог вносить изменения в устав университета; каждые двадцать лет назначались восемь "Statutarii" для пересмотра кодекса, а изменения, вносимые в другое время, требовали согласия Конгрегации, в которую входили все студенты, кроме граждан Болоньи и нескольких бедных ученых, не подписывавшихся на средства Universitas. К тому времени, о котором мы говорим, оба юридических университета в Болонье объединялись в одну Конгрегацию, и если Конгрегация будет проводиться во время пребывания нашего англичанина в Болонье, он будет обязан под страхом серьезных наказаний присутствовать на ее заседании, где он будет на равных общаться с членами Цисмонтанского университета, слушать или принимать участие в дебатах (ведущихся на латыни) и бросать свой черный или белый боб в урну, когда потребуется голосование.

Хотя город Болонья никогда не признавал юрисдикции Университета над жителями города, существовали некоторые классы горожан, чья профессия или род занятий делали их фактически его подданными. Землевладельцы, канцеляристы, магистры и доктора находились в особом отношении к университетам, которые не преминули воспользоваться их преимуществами в полной мере. Если у нашего английского студента и его социума возникал спор по поводу аренды их дома, существовала обязательная система арбитража; если он находил ошибку в книжном издании, которое он взял или купил у болонского книготорговца, он был обязан сообщить об этом в университетский совет, в обязанности которого входила проверка книжных изданий, предлагаемых для продажи или проката, и книготорговец должен был заплатить штраф; он был защищен от вымогательских цен системой, которая позволяла книготорговцу получать фиксированную прибыль за поддержанную книгу. Манускрипты свободно размножались книготорговцами, они не были ни дефицитными, ни чрезмерно дорогими, хотя искусно иллюстрированные манускрипты, естественно, очень ценились. Помещиков и книготорговцев держали в повиновении угрозами *interdictio* или *privatio*. Горожанин, оскорбивший университет, лишался всяких сношений со студентами, которым строго запрещалось нанимать его дом или его книги; если горожанин выдвигал "клеветническое обвинение" против студента и не подчинялся приказу ректора прекратить это, он и его дети до третьего поколения и все их имущество должны были находиться под интердиктом, "*sine spe restitutionis*".

Interdictio, или отлучение от церкви, также было главным оружием, которое могло быть использовано против мастеров Студии. Деградация магистров происходила постепенно и никогда не была полной. Привилегии, предоставленные Фридрихом Барбароссой ломбардским ученым в середине XII века, включали право юрисдикции над их учениками, а папская булла конца века говорит о том, что магистры и ученые собирались вместе в конгрегации. В конечном счете, организация Университета ограничила членство в конгрегации студентами, а полномочия ректора сделали магистерскую юрисдикцию лишь номинальной. Утрату своих привилегий каноник Рашдалл объясняет тем, что они заняли позицию в ранней борьбе между муниципалитетом и студенческими гильдиями. Доктора, которые были гражданами Болоньи, объединились, по его словам, "с городом против студентов в эгоистичной попытке исключить из существенных привилегий докторской степени всех, кроме своих сограждан..... Именно отождествляя себя с городом, а не с учеными, болонские доктора погрузились в свое странное и недостойное рабство перед своими собственными учениками". Они совершили еще одну ошибку, поссорившись с городом - самые ранние миграции были миграциями профессоров, - и когда в середине XIII века между городом и университетами установился постоянный *modus vivendi*, права докторов не принимались во внимание. Другим жителям Болоньи было запрещено приносить клятву повиновения ректорам, но магистры, которые теоретически обладали правом юрисдикции над своими учениками, фактически были принуждены к этой клятве университетами. Не освобождались от нее и те из них, кто получал жалованье от города. Доктор, отказавшийся принести клятву послушания представителю своих учеников, не имел возможности взимать плату за лекции, которая сохранила свое значение даже после введения жалованья, и подлежал дальнейшему наказанию по воле ректора. Окончательным наказанием была *депривация*, и при вынесении этого приговора не только бойкотировались лекции провинившегося доктора, но и запрещалось всякое общение с ним; студенты должны были избегать его общества в частной жизни, а также отказываться от его услуг в Студии. Его восстановление могло быть осуществлено только голосованием всего университета, торжественно собравшегося в Конгрегации.

Клятва повиновения была не просто конституционным оружием, хранившимся в резерве для случайных серьезных споров; она влияла на повседневную жизнь Студии, и магистры подвергались многочисленным мелким оскорблениям, которые не могли не произвести впечатления на нашего английского студента, если он знаком с университетской жизнью в своей стране. Он с удивлением увидит, как лекция доктора прерывается приходом университетского беделя, как дебаты в Палате общин прерываются приходом Черного Рода, а его преподаватель будет хранить благоговейное молчание, пока ректорский офицер передаст какое-нибудь сообщение из университета или проинформирует профессора о новых правилах. Если ученый доктор "срывал" лекцию, наш студент был вынужден сообщать об этом руководству университета и узнавал о штрафах, налагаемых на докторов за отсутствие, за опоздания, за привлечение слишком маленькой аудитории, за пропуск части предмета или уклонение от разъяснения его трудностей, за невнимательность во время чтения в школах "прецептов" или "мандатов" ректора. Он и его сокурсники могли милостиво предоставить своему хозяину каникулы, но разрешение должно было быть подтверждено ректором; если лекция затягивалась на минуту после назначенного времени, доктор оказывался перед пустыми скамьями. Унизительность положения магистра усугублялась тем, что его ученики постоянно выступали в роли шпионов за ним и сами подвергались наказанию за попустительство любому нарушению правил с его стороны. В Болонье даже привилегию преподавания доктора в незначительной степени делили со своими учениками. Лекции делились на два класса, обычные и внеочередные; обычные лекции были обязанностью докторов, но старшие студенты (бакалавры) имели право по разрешению

ректора делить с докторами обязанность читать внеочередные лекции. На сайте было шесть кафедр, предоставленных городом, которые занимали студенты, и занимающий одну из них имел право читать обычные лекции. Доктор Рашдалл находит объяснение этой аномалии в эпизоде из истории Болоньи XIV века, когда тиран города запретил профессорам преподавать. Студенческие кафедры были скорее пожертвованиями в пользу ректората или бедных ученых, чем серьезными конкурентами обычным профессорским должностям, а экстраординарные лекции, которые читали студенты или бакалавры, можно рассматривать как своего рода ученичество для будущих докторов.

Оставался еще один отдел работы Studium, в котором наш болонский студент нашел бы своих хозяев высшими. Священное право экзамена по-прежнему принадлежало учителям, хотя основная цель экзамена изменилась. Докторам Болоньи удалось сохранить право преподавания как привилегию болонских граждан и даже ограничить его, в некоторой степени, определенными семьями, и иностранный студент не мог надеяться стать профессором своего собственного studium. Но престиж университета делал болонских студентов амбициозными, и докторская степень стала означать нечто большее, чем просто лицензию на преподавание. Эта лицензия, которая первоначально выдавалась самими докторами, после издания папской буллы в 1219 году требовала согласия архидиакона Болоньи, а папское пожалование *jus ubique docendi* в 1292 году сразу же увеличило значение магистратуры и авторитет архидиакона, которого стали называть канцлером и главой Студии. "Получение диплома, - по словам доктора Рэшдалла, - перестало означать простое принятие в частное общество учителей и получило определенный юридический статус в глазах церкви и государства alike..... Университеты превратились из просто местных в экуменические организации; докторская степень стала орденом интеллектуальной знати, занимавшим такое же четкое и определенное место в иерархической системе средневекового христианства, как священство или рыцарство". Архидиакон Болоньи, даже когда он считался канцлером, не отнимал у коллегии докторов право решать, кто должен считаться достойным титула, которым с удовольствием обладали кардиналы. Лицензия, которую он требовал, прежде чем принять студента в докторантуру, по-прежнему выдавалась болонскими докторами после соответствующей проверки.

Будем считать, что наш английский студент уже завершил курс обучения. Он исправно посещал предписанные лекции - не менее трех в неделю. Он ходил ранним утром, когда колокол в церкви Святого Петра звонил к мессе, чтобы провести около двух часов, слушая "обычную" лекцию, которую доктор читал в собственном доме или в наемной комнате; его преемники через поколение или два найдут здания, возведенные университетом для этой цели. Остальная часть утра и час или два после обеда также, если он был прилежным студентом, посвящались лекциям, и он не пренебрегал частными занятиями. Он наслаждался многочисленными праздниками, которые давали церковные праздники, и несколькими каникулами в течение года, включая десять дней на Рождество, две недели на Пасху и около шести недель осенью. После пяти лет обучения, если он гражданский, и четырех, если канонист, ректор возводит его в достоинство бакалавра, разрешая читать "экстраординарные" лекции, и после еще двух лет, проведенных в этом качестве, он готов перейти к докторантуре. Ректор, убедившись с помощью английского представителя в своем совете, что "доктор" выполнил все обязанности болонского студента, дает ему разрешение на первый или частный экзамен, и он снова приносит клятву послушания этому высокопоставленному лицу. Доктор, у которого он учился, ручается за его компетентность и представляет его сначала архидиакону, а через несколько дней - Коллегии докторов, перед которыми он дает торжественную клятву никогда не добиваться приема в Болонскую коллегию докторов, не преподавать и не пытаться выполнять какие-либо функции доктора в

Болонье. Затем ему выдают пропуск на изложение и отправляют домой. За ним до дома следует его собственный врач, который выслушивает его изложение наедине и возвращает его в августейшее присутствие Коллегии докторов и архидиакона. Здесь он излагает свою диссертацию и подвергается экзамену двумя или более докторами, которым университетский устав предписывает не относиться к жертве этого строгого и грозного экзамена иначе, чем если бы он был их собственным сыном, и угрожает серьезными наказаниями, вплоть до отстранения от занятий на год. Затем Коллегия голосует по его делу, причем каждый врач говорит открыто и четко, без каких-либо оговорок: "Одобрено" или "Отклонено", и если решение положительное, то он становится лицензиатом и должен пройти лишь дорогостоящее, но не столь грозное испытание второго или публичного экзамена. Как новоиспеченный шотландский судья и по сей день вступает в должность, разбирая дела, так и болонский врач получал свое новое достоинство, упражняясь в чтении лекций. Эта идея характерна для многих средневековых учреждений, и она сохранилась в Болонье, даже если лицензиат на частном экзамене отказывался от права преподавания. Наш англичанин и его социум вместе отправляются на собор, где он излагает тезисы и защищает их от нападок других лицензиатов. Его собственный доктор, известный в Болонье (и в других местах) как Промоутер, представляет его канцлеру, который вручает ему *jus ubique docendi*. Затем его усаживают в магистерское кресло, а Промотор вручает ему открытую книгу и золотое кольцо и (по терминологии современного шотландского университета) "надевает" на него биретту. Его отпускают с благословением и поцелуем мира и проводят по городу в триумфальной процессии его друзья, которым он устраивает пир.

Праздник значительно увеличивает расходы на докторскую степень, за которую, разумеется, взимается плата властями университета, коллегии докторов и архидиакона. Значительная часть дисциплинарных правил, принятых студенческими университетами, направлена на ограничение расходов на пиршества при приеме нового доктора и по другим поводам. Когда наш молодой английский доктор получил разрешение своего ректора приступить к получению степени, с него взяли обещание не превышать положенных расходов на гонорары и пиры, и ему было категорически запрещено устраивать турниры. Трата денег на экстравагантные костюмы также запрещалась уставом университета, который запрещал студенту приобретать, напрямую или через агента, любой костюм, кроме обычного черного одеяния, или любой внешний покров, кроме черного сарра или gabard. Другие дисциплинарные ограничения в Болонье касались ссор и азартных игр. Дебаты Конгрегации не должны были прерываться тем, что один из студентов наносил своему оппоненту удары ножом на итальянский манер, и никому не разрешалось проносить оружие на собрание Конгрегации; если у студента были основания опасаться личного насилия со стороны другого, ректор мог освободить его от необходимости присутствовать на собрании. Строго запрещались азартные игры и займы у несанкционированных ростовщиков; вход в игорный дом, содержание его или наблюдение за игрой в кости были строго запрещены. Университет искусств и медицины давал разрешение на три дня на Рождество, и ректор мог по своему усмотрению решать этот вопрос. Наказанием служили штрафы, а за контузию или серьезные проступки - отстранение от занятий или изгнание.

Есть основания полагать, что поведение докторов в этом отношении не вызывало подозрений: им было категорически запрещено содержать игорные дома, а назначение четырех купцов города, которые одни имели право ссужать деньги студентам, служило защитой не только от обычных ростовщиков, но и от докторов, которые ссужали деньги студентам, чтобы привлечь их на свои лекции. О том, что позорное положение болонских докторов дурно влияло на их нравы, свидетельствует не только это, но и существование

взяточничества в связи с экзаменами на получение докторской степени, хотя коррупция такого рода не ограничивалась студенческими университетами.

Правила величайшего из болонских колледжей, Испанского колледжа, естественно, в гораздо большей степени ущемляют свободу личности, чем уставы студенческих университетов, несмотря на то, что правительство колледжа является демократическим, основанным на демократической конституции университета. У нас будет возможность обратиться к дисциплине испанского колледжа, когда мы будем рассматривать систему колледжей в северных университетах, а пока мы перейдем к некоторым иллюстрациям жизни студенческих университетов в других местах, кроме Болоньи.

В Падуе мы находим "мир в школах", подобный особому миру на шоссе или рынке в средневековой Англии; специальные наказания были предписаны за нападения на ученых в школах, а также за то, что они шли в школы или возвращались из них в установленные часы. Благодаря присутствию ректора легкое нападение также считалось "жестоким травмой". Университет угрожал наложить интердикт на десять лет на десять домов, ближайших к месту, где был убит ученый; если он был ранен, то срок составлял четыре или шесть лет. Во Флоренции, где медицинский факультет был очень важен, существует интересное положение об изучении анатомии. С городом было заключено соглашение, по которому студенты-медики должны были ежегодно получать два трупа, один мужской и один женский. Трупы должны были принадлежать злоумышленникам, которые в некоторой степени выиграли от этого соглашения, так как наказание для женщины было заменено сожжением, а для мужчины - обезглавливанием и повешением. Патетическая оговорка гласит, что преступники должны быть не уроженцами Флоренции, а пленниками, у которых мало друзей и связей. Если число студентов-медиков увеличится, им полагалось два мужских тела. Во Флоренции, как и почти везде, мы находим предписания, запрещающие азартные игры, но исключение было сделано для майских календ и дней непосредственно до и после них, и за азартные игры в доме ректора не полагалось никакого наказания. Записи Флоренции служат иллюстрацией ограничений ректорской власти, о которых мы упоминали, говоря о типичном студенческом университете в Болонье. В 1433 году на некоего Иеронимуса, который только что закончил свой год в должности ректора, был подан ряд жалоб, и синдикат, состоящий из доктора декретов (который также был ученым в области гражданского права), ученого в области канонического права и ученого в области медицины, был назначен для расследования поведения покойного ректора и двух его камергеров. Обвинения были как общими, так и личными, и синдики, постановив, что Иеронимус должен вернуть восемь серебряных *грошей* из университетских денег, которые он присвоил, приступили к рассмотрению обвинений, выдвинутых частными лицами. Один из преподавателей университета жаловался, что ректор несправедливо и злонамеренно вынес приговор против него и в пользу грека, проживающего во Флоренции, и что он несправедливо объявил его лжесвидетелем; за это и некоторые другие обиды было присуждено пятьдесят золотых флоринов в качестве возмещения ущерба. Доктор искусств и медицины получил решение о выплате двух флоринов за расходы, понесенные, когда ректор находился в его доме. Один студент пожаловался, что во всех школах его называли "infamis" за неуплату вступительного взноса, и что его имя было занесено в книгу под названием "Speculum". Синдикат приказал стереть запись о его наказании. Наиболее интересным является дело студента гражданского права Андреаса Ромули де Ланциска. Он утверждал, что продал Иерониму шесть мер зерна, которые должны были быть оплачены по обычной цене. После четырехмесячной задержки ректор заплатил семь фунтов, а когда его попросили завершить платеж, дал Андреасу книгу по медицине, "за которую я получил пять флоринов". Через несколько дней он потребовал вернуть книгу, на что Андреас ответил "Date mihi residuum et libenter restituam librum". На это

требование ректор, "возвышаясь над ним", ответил: "Tu reddes librum et non solvam tibi". Ссора продолжалась, и однажды утром, когда Андреас был в школах на лекции, Иеронимус послал слугу Подесты, который схватил его "ignominiose et vituperose" в школах и отвел в городскую тюрьму как обычного вора. За все эти обиды Андреас требовал возмещения ущерба и выплаты сорока флоринов. Возмещение ущерба, по его мнению, должно быть высоким не только за его личные обиды, но и за оскорбление ученого платья, которое он носил, да и вообще всего университета. Ему разрешили выплатить двадцать фунтов в дополнение к сумме, причитающейся за зерно. Синдикат 1433 года, должно быть, был крайним случаем; дело осложнялось тем, что брат ректора был "исполнителем ординамента Юстиции Гражданской Флоренции", и поэтому его подозревали в том, что он играет на руку городу. Но осознание того, что такое расследование возможно, должно было сдерживать произвол ректора.

Упоминание о подражании болонской конституции в Испании должно завершить эту часть нашего исследования. В Лериде, в самом раннем своде законов (около 1300 г.), доктора и магистры поклялись подчиняться ректору, который может наложить на них штраф, но не может изгнать их без согласия всего университета. Любая некорректная критика ректора ("verba injuriosa vel contumeliosa") со стороны любого человека, любого достоинства, должна наказываться отстранением от должности до тех пор, пока не будет получено удовлетворение, и так велика слава должности ("Rectoris officium tanta [excellencia] præfulget"), что бывший ректор не обязан приносить присягу своему преемнику. Правила, касающиеся студентов, более подробны, чем в Болонье, и свидетельствуют о более строгой дисциплине. После восьмидневного посещения лекции доктора студент не должен оставлять ее, чтобы пойти к другому доктору; ни один ученый не должен отправляться в школу верхом, кроме как по какой-либо срочной причине; ученые не должны давать ничего актерам, шутам или другим "трубадурам", а также приглашать их на трапезу, за исключением праздников Рождества, Пасхи и Пятидесятницы, выборов ректора или создания докторов или магистров. Даже в этих случаях можно давать только еду, хотя указ второго ректора разрешает докторам и магистрам давать им деньги. Никому из студентов, кроме мальчиков младше четырнадцати лет, не разрешается играть в мяч в городе в день святого Николая или святой Катерины, и никто не должен предаваться неподобающим развлечениям или ходить в костюмах евреев или сарацинов - это правило также содержится в уставе Перпиньянского университета. Если ученые будут обнаружены с оружием днем в студенческом квартале города, они должны лишиться своего оружия, а если они будут обнаружены ночью с оружием или музыкальными инструментами в студенческом квартале, они должны лишиться оружия или инструментов. Если они будут найдены вне своих кварталов, ночью или днем, с оружием или музыкальными инструментами, городские власти будут разбираться с мирянами, а епископ или ректор - с клерками. В Испании, как и в Италии, миряне могли быть студентами или докторами; в Саламанке женитьба лектора входила в число необходимых причин, оправдывающих временное отсутствие на службе. В университетах южной Франции брак докторов-резидентов и студентов также предусматривался, и в уставе университета Экса содержится таблица сборов, выплачиваемых в качестве "харивари" ректором, доктором, лицензиатом, бакалавром, студентом и постельничим. В каждом случае сумма, выплачиваемая за женитьбу на вдове, была вдвое больше обычной. Если жених отказывался платить, то "господин промотор" в сопровождении "господина студента" с разрешения ректора должен был отправиться к нему домой, вооружившись сковородками, фаготами и рожками, и устроить большой шум, не причинив, однако, никакого вреда соседям. Продолжение рецидива наказывалось выставлением нечистот перед дверью виновника в праздничные дни. В 1485 году в университете Доле был женатый ректор, но это было сделано по специальному разрешению. Есть следы существования женатых студентов в Оксфорде в

пятнадцатом веке, а в того же века брак был разрешен на медицинском факультете в Париже, но настаивание на безбрачии в северных университетах - одно из характерных отличий их от университетов Южной Европы.

ГЛАВА III

УНИВЕРСИТЕТЫ МАГИСТРОВ

Гильдия или Университет, выросший на базе Парижского генерального университета, был обществом мастеров, а не студентов. По своему происхождению Генеральная школа была связана с соборными школами, и признание в качестве магистра давалось канцлером собора, в обязанности которого входило предоставлять его каждому компетентному ученому, который просил об этом. Успешный претендент принимался существующими магистрами в их общество, и это принятие или зарождение стало истоком степеней в Парижском университете. Дата возникновения организованной Гильдии точно не определена; доктор Рашдалл, изучив все факты, приходит к выводу, что "можно с уверенностью утверждать, что период 1150-1170 годов - вероятно, последние годы этого периода - ознаменовался рождением Парижского университета". Организация, существовавшая в двенадцатом веке, была незначительной и обычной, не зависящей, как студенческие университеты Болоньи и другие средневековые гильдии, от внешнего авторитета. Преемники этих первых мастеров, писавшие в середине тринадцатого века, рассказывают, как их предшественники, люди с преподобным характером и известные образованностью, решили, что по мере увеличения числа учеников они смогут лучше выполнять свою работу, если станут единым организмом, и поэтому они сформировали себя в колледж или университет, которому церковь и государство даровали множество привилегий. Узы союза они описывают как "*jus speciale*" ("*si quodam essent juris specialis vinculo sociati*"), и эта концепция объясняет появление их самого раннего кодекса уставов в первом десятилетии XIII века. Гильдия мастеров в Париже, как и гильдия студентов в Болонье, могла с выгодой использовать угрозу миграции, и после жестокой ссоры с городом в 1200 году они получили особые привилегии от Филиппа Августа. Несколько лет спустя папа Иннокентий III разрешил "парижским ученым" избирать прокуратора или проктора для представления своих интересов в судебных процессах в Риме. Судебные разбирательства в Риме были связаны со спорами с канцлером собора. Парижские ученые уже жаловались папе на тиранию канцлера, и Иннокентий поддержал их, заметив, что когда он сам учился в Париже, то никогда не слышал, чтобы с учеными обращались подобным образом. Папу не мало тронуло и удивило, что канцлер пытается требовать от магистров клятвы послушания и выплаты денег, и в конце концов этот чиновник был вынужден отказаться от своего права требовать плату или клятву верности или послушания за лицензию на преподавание, а также ослабить все клятвы, которые уже были даны. Мастера, как отмечает доктор Рашдалл, уже обладали оружием бойкота и приказа бойкотировать своих учеников, если канцлер выдавал лицензию против желания их гильдии, но они не могли сначала заставить его выдать лицензию любому, кого они хотели принять. После вмешательства папы в 1212 году канцлер был обязан выдавать лицензию кандидату, рекомендованному мастерами.

В изложении собственной истории, из которого мы уже приводили цитату, парижские магистры говорят о своем почтенном "*gignasium litterarum*" как о разделенном на четыре факультета: теологии, права, медицины и философии, и сравнивают четыре потока обучения с четырьмя реками Рая. Самым крупным и важным был факультет искусств, и магистры этого факультета были главными действующими лицами в борьбе с канцлером, которая продолжалась еще долго после вмешательства Иннокентия III. В ходе этого долгого и успешного конфликта на факультете искусств сложилась внутренняя организация,

состоящая из четырех наций, таких как французы, норманны, пикардийцы и англичане. Каждая нация избирала проктора, а четыре проктора или другие представители наций избирали ректора, который возглавлял факультет искусств. Деление на нации и титул ректора, возможно, были скопированы из Болоньи, но организация в Париже была принципиально иной. Парижскими нациями управляли магистры, а не студенты, и если в Болонье художники составляли незначительное меньшинство, то в Париже ректор к концу XIII века стал самым влиятельным чиновником университета, а к середине XIV был признан его главой. Высшие факультеты теологии, канонического права и медицины, хотя и имели независимые конституции под руководством собственных деканов, состояли в основном из людей, получивших степень магистра или бакалавра искусств, и с середины XIII века они приносили ректору присягу, которая считалась обязательной даже после того, как они становились докторами. Члены этих факультетов, не являющиеся художниками, вряд ли смогли бы противостоять власти, существование которой в целом приветствовалось как центр оппозиции канцлеру. В конце концов, весь университет перешел под власть ректора, а власть канцлера была ограничена предоставлением *jus ubique docendi* в качестве представителя Папы. Даже это было не более чем формальностью, поскольку канцлер "перестал, - говорит доктор Рашдалл, - иметь реальный контроль над выдачей или отказом в выдаче лицензий, за исключением того, что он сохранил за собой назначение экзаменаторов по искусству".

В Оксфорде при университете также существовала гильдия магистров, но Оксфорд не был кафедральным городом, и конфликтов с епископом или канцлером не возникало. В конце двенадцатого или начале тринадцатого века магистры Студиума, вероятно, избирали ректора или главу в подражание парижскому канцлеру. После ссоры с горожанами, которая привела к переселению в Кембридж, и когда король Иоанн подчинился папе, магистры смогли получить от папского легата ордонанс, определяющий наказание нарушителей и предусматривающий недопущение повторения подобных инцидентов. Легат распорядился, чтобы в случае захвата горожанами личности клерка его выдачи требовал "епископ Линкольна, или архидиакон этого места, или его чиновник, или канцлер, или тот, кого епископ Линкольна назначит на эту должность". В этом пункте подчеркивается власть епископа Линкольна, которая ни в коем случае не должна быть умалена никакими действиями горожан. Церковная власть епископа приветствовалась университетом как защита от города, а канцлер находился слишком далеко от Линкольна, чтобы настаивать на привилегиях епархии или собора в отношении клерков, которые находились под его особой опекой. Канцлер Оксфорда был магистром Студии, и, хотя он был представителем епископа, он также был главой гильдии мастеров, и с ранних времен избирался мастерами. Таким образом, он отождествлял себя с университетом, и его должность становилась все более важной по мере того, как короли и папы давали университету привилегии. Ректорство не стало конкурентом канцлерства, хотя некоторые функции парижского ректора выполнялись в Оксфорде прокторами. В Оксфорде было всего две "нации", поскольку оксфордские магистры, как правило, были англичанами; люди с севера от Трента составляли северную нацию, а остальная Англия - южную. Шотландцев относили к северянам, а валлийцев и ирландцев - к южанам. Деление на нации было недолгим, и два ректора или проктора, хотя по-прежнему выделялись как Северный и Южный, вскоре стали представителями, избираемыми всем факультетом искусств. Как и в Париже, факультет искусств был движущей силой университета, а теология, право и медицина так и не получили в Оксфорде самостоятельной организации. Прокторы, как показал доктор Рашдалл, таким образом, стали исполнительной властью всего университета, а не только факультета искусств.

Существенное отличие Болоньи от двух ее северных сестер заключается в том, что и в Париже, и в Оксфорде магистры и ученые в равной степени были священнослужителями, носили тонзуру и облачение, хотя не обязательно даже в малых орденах. Таким образом, они могли претендовать на привилегии церковной юрисдикции, а в Оксфорде эта юрисдикция осуществлялась канцлером, который также, наряду с прокторами, отвечал за академическую дисциплину и мог разрешать споры между членами университета. В этом отношении Оксфордский университет имел независимое положение, которого Париж так и не достиг, поскольку, хотя парижский ректорский суд рассматривал дела о дисциплине и внутренние споры, уголовная юрисдикция оставалась прерогативой епископа. В середине XIV века королевские привилегии Оксфордскому университету увенчались подчинением города, а с середины XV "бюргеры жили в собственном городе почти как гелоты или подданные народа-завоевателя". (См. Rashdall, vol. ii. chap. 12, sec. 3). Конституция Оксфорда была в значительной степени имитирована в Кембридже, где глава университета был также канцлером, а исполнительная власть состояла из двух ректоров или прокторов. В пятнадцатом веке университет освободился от церковной юрисдикции епископа Эли.

Германия не имела университетов до четырнадцатого века. Пражский был основан в 1347-8 годах, за ним до 1400 года последовали Венский, Эрфуртский, Гейдельбергский и Кельнский, а в первой четверти следующего столетия - Вюрцбургский, Лейпцигский, Ростокский, а в Низких странах - Лувенский. Первый шотландский университет относится к началу пятнадцатого века. В то время как провинциальные университеты Франции стремились следовать Болонье, а не Парижу в качестве образца, немецкие университеты приближались к парижскому типу, и хотя основатели шотландских университетов были впечатлены некоторыми условиями студенческих университетов и отвели им теоретическое место в своих конституциях, все же три средневековых шотландских университета Шотландии в своей реальной работе более всего походили на магистерский тип.

ГЛАВА IV

ДИСЦИПЛИНА В КОЛЛЕДЖЕ

Теперь мы можем подойти к основной части нашей темы - жизни в средневековом университете магистров - и сразу же перейти к ее наиболее характерной черте, жизни в средневековом колледже. Эта система зародилась в Париже. В первые годы существования университета парижские студенты свободно жили в частных домах, которые нанимали для себя несколько "социумов". Запись спора, произошедшего в 1336 году, показывает, что обычно один из членов такого сообщества нес ответственность за аренду, "*tanquam principalis dictae domus*", а тот, кто был признан ответственным в данном случае, назван "магистром". Сначала не было необходимости, чтобы он был магистром, но вскоре это стало обычным делом, и в конце концов (хотя и не до конца Средневековья) это стало обязательным для университета. Доктор Рашдалл обратил внимание на демократический характер этих хосписий, члены которых избирали своего директора и устанавливали правила, которые он соблюдал. Эта демократическая конституция встречается в Оксфорде, а также в Париже, и, по сути, была общей для всех ранних университетов. Когда благосклонный даритель одаривал один из таких залов, он неизменно давал ему не только деньги, но и правила, и именно наличие пожертвований и устава, навязанного внешним авторитетом, отличало колледж от зала. Самые ранние основатели колледжей не обязательно возводили здания для ученых, чье благосостояние они обеспечивали; колледж - это, по сути, общество, а не здание. Четырехугольная форма, которая сегодня ассоциируется

со зданиями колледжа, вероятно, была случайно подсказана развитием колледжа Уолтера де Мертон в Оксфорде; но еще долго после основания Мертон-колледжа в 1263 или 1264 году основатель не считал необходимым строить дом для своих ученых, которые обеспечивали себя подходящим домом (или домами) и были готовы переселиться, если такой шаг станет желательным в интересах университета.

Устав Мертона дает нам представление об эндаумент-холле в тот период, когда такие эндаументы начали менять характер университетской жизни. Концепция Колледжа, в отличие от старых Залов, развивалась очень быстро, и положения основателя об организации его общества менялись три раза в течение десяти лет. В 1264 году Уолтер де Мертон, бывший канцлер Англии, составил свод законов для основания дома, который должен был называться Домом ученых Мертона. Его мотивом было благо Святой Церкви и безопасность душ его благодетелей и родственников, и этим целям он должен был служить, обеспечивая содержание двадцати бедных ученых и двух или трех священников в школах Оксфорда или в других местах, если обучение в эти дни гражданской войны будет процветать не в Оксфорде, а где-то еще. Фонд, который он выделил, состоял из его поместий Малдон и Фарлей в Суррее, к которым было добавлено поместье Мертон, расположенное в конце тех мест, которые сейчас являются "Бэксами" в Кембридже. Оно было куплено в 1269-70 годах. Земли были переданы его стипендиатам, которые должны были владеть ими на определенных условиях от своего имени. Его родные должны были первыми претендовать на места в новом Обществе, а после них - уроженцы епархии Винчестера; они должны были получать по сорок шиллингов в год, жить вместе в одном зале и носить единую одежду в знак единства и взаимной любви. По мере возникновения вакансий, в результате смерти, принятия в религиозный орден, принятия жизни в Церкви или назначения на другие должности, они должны были заполняться, и если средства общества позволяли, число как стипендиатов, так и священников должно было увеличиваться. Стипендиаты, оказавшиеся неисправимыми лентяями, или ведущие порочный образ жизни, подлежали лишению; но больные и немощные получали щедрое лечение, а все родственники основателя, страдающие неизлечимым недугом и неспособные честно зарабатывать на жизнь в Студии или где-либо еще, должны были содержаться до самой смерти. Предполагалось, что стипендиаты уже получили предварительную подготовку по латыни, необходимую для обучения, но предусматривалось начальное обучение бедных или сиротских мальчиков из рода основателя, пока они не будут готовы к поступлению в университет. Один или два раза в год все члены фонда должны были собираться и совершать мессу по своему основателю и его благодетелям, живым и умершим. Управление имуществом поручалось надзирателю, который должен был проживать не в Оксфорде или каком-либо другом учебном заведении, где мог находиться зал, а в Малдоне или Фарли. Смотритель был членом Общества, но не имел власти над учеными, за исключением того, что в случае спорных выборов он или канцлер или ректор университета, где в то время находился Зал, должны были действовать по совету шести или семи старших ученых, и именно старшие ученые, а не смотритель, рассматривались основателем как естественные лидеры его Общества. Каждый год восемьдесят стипендиатов должны были отправляться в Суррей, чтобы пробыть там восемь дней и поинтересоваться управлением их собственностью, а если в другое время до Холла доходили дурные слухи о поведении начальника, двое или трое из них должны были отправиться на расследование. С согласия покровителя, епископа Винчестерского, ученые могли добиться смещения начальника, а выборы начальника поручались двенадцати старшим. Они должны были посоветоваться с "братьями", которые помогали начальнику в Мертоне, а также получить санкцию епископа Винчестерского.

В этих первых уставах Мертон четко прослеживается идея одаряемого Зала, отличающегося от других Залов только наличием одаряемого. Для того чтобы владение имуществом Общества было надежным, а его средства не могли быть использованы не по назначению, необходимы некоторые правила, и краткий свод уставов направлен именно на эти цели. Самые ранние правила Уолтера де Мертон вносят минимум изменений в существующие условия. Но подготовка этого свода уставов, должно быть, подсказала основателю, что его щедрость дает ему возможность внести более продуманные положения. Мендикантские ордена уже основали в Оксфорде и Париже дома для своих членов, а монашеские ордена во Франции следовали примеру монахов. Эти дома, конечно же, управлялись подробными и детальными правилами, и, возможно, было желательно ввести более строгую дисциплину в светских залах. В любом случае, в 1270 году Уолтер де Мертон воспользовался возможностью увеличить свои доходы, чтобы издать свод законов, более чем в два раза превышающий свод законов 1264 года. Эти новые уставы знаменуют собой явный прогресс в идеале основателя колледжа. Смотритель становится гораздо более важным фактором в управлении залом, а также в управлении имуществом; при избрании и исключении стипендиатов ему отводится большее место; его пособия увеличиваются, а его присутствие в Оксфорде, похоже, подразумевается. Стипендиаты должны обучаться от искусств до теологии; четверем или пяти из них может быть разрешено изучать каноническое право, а начальник может позволить некоторым из них посвятить некоторое время гражданскому праву. Необходимо назначить двух субурдинаторов: одного в Малдоне и одного в Оксфорде; деканы должны следить за нравственностью стипендиатов, а старшие студенты - за учебной первокурсников. Стипендиаты должны молчать во время еды и слушать чтеца; в их покоях не должно быть шума, в каждой камере должен находиться старший и сообщать о нарушениях правил. Разговор должен вестись на латыни.

Здесь мы видим зачатки новой системы университетской жизни, а тенденцию к коллегиальной дисциплине мы можем проследить еще более четко в уставе основателя 1274 года, который намного длиннее и более продуман, чем в 1270 году. Ученые или стипендиаты теперь должны подчиняться начальнику, как своему руководителю; деканы и старшие в палатах должны подчиняться ему и, в первую очередь, отчитываться перед ним; заместитель начальника должен занимать его место в его отсутствие и помогать ему в другое время; три казначея должны помогать ему в управлении имуществом. Патрон или визитер может расследовать поведение начальника или любые обвинения, выдвинутые против него, и имеет право лишить его должности. Начальник не является абсолютным сувереном; тринадцать сеньоров участвуют вместе с ним в управлении колледжем, а суб-варден и пять сеньоров должны проверять его счета раз в год. На периодических проверках, когда рассматривается поведение всех членов Коллегии, против него могут быть выдвинуты обвинения, которые должным образом расследуются. Этот обычай и другие правила Уолтера де Мертон были явно заимствованы из правил монашеских домов, и компании светских клерков, похоже, было нелегко осознать, что они обязаны их соблюдать, поскольку уже в 1284 году архиепископ Кентерберийский, ставший визитером колледжа, был вынужден издать ряд распоряжений о соблюдении устава. Начальник и стипендиаты Мертон разрешили изучение медицины: они слишком вольно трактовали разрешение изучать право; они увеличили свои собственные пособия и жалованье пивовара и повара; стипендиаты сопротивлялись власти начальника; они пренебрегали посещением богослужения, предписанным основателем, и были вялыми в вопросах исключения. Изменения, которые Уолтер де Мертон внес в жизнь стипендиатов, были настолько масштабными, что светский человек, вероятно, не разделит бы удивления архиепископа Пекхэма (который сам был монахом) по поводу нежелания мертонских стипендиатов признать потерю своей традиционной свободы.

Системе, заложенной Уолтером де Мертонем, суждено было получить большое развитие. В документе 1284 года Пекхэм говорит о Мертоне как о "колледже", а его основатель стал основателем системы оксфордских колледжей. Хотя в своем последнем уставе он повторил свое разрешение на переезд Общества из Оксфорда, он считал Оксфорд своим постоянным домом. Теперь, когда гражданская война закончилась и в Англии наступил мир, он, по его словам, приобрел жилье и дом в Оксфорде, "где процветает университет студентов". Он не только обеспечил себя жильем, но и великолепно перестроил приходскую церковь, чтобы она служила часовней колледжа. Его примеру последовали и в Оксфорде, и в Кембридже, а правило Мертон стало образцом, на котором основатели колледжей строили сложные своды уставов. Английские основатели, как правило, следовали Уолтеру де Мертону, превращая свои общества в самоуправляемые общины с внешним посетителем в качестве высшей апелляционной инстанции. Во многих колледжах существовали "бедные мальчики", которых обучали грамматике, они выполняли рутинную работу и не были членами Общества, да и не всегда могли быть избраны в него; но, как правило, все стипендиаты или члены Общества принимали участие в управлении делами Дома. Рутинными делами часто занимались Глава, офицеры и ограниченное число старших стипендиатов, но в избрании нового Главы принимал участие весь состав Стипендиатов. Перед принятием абитуриента в "полные и бессрочные" стипендиаты обычно назначался испытательный срок - от одного года до трех, - и в течение этого срока он не имел права голоса. Это ограничение иногда отменялось в случае "родственников основателя", которые сразу же становились полноправными стипендиатами, а покойный сэр Эдвард Уингфилд хвастался, что во время своего первого семестра (1850 год) он дважды голосовал против начальника Нового колледжа на собрании колледжа. Как и в монашеском доме, эта свобода сочеталась со строгими правилами послушания, и хотя главу средневекового колледжа могли раздражать подобные инциденты, он обладал большим достоинством и высоким авторитетом в своих владениях. По мере того как основатели делали все больше для своих учеников, они ожидали от них большего послушания и пытались обеспечить его с помощью подробных правил; и власть главы колледжа росла вместе с количеством правил, которые он должен был соблюдать. Основание Нового колледжа в Оксфорде в 1379 году знаменует собой завершение идеала коллегии, который так быстро развивался под влиянием последовательных конституций Мертон-колледжа за сто лет до этого. Уильям Уайкхемский, обеспечивая потребности своих учеников, использовал опыт прошлого и создал новую модель для будущего. Стипендиаты Нового колледжа должны были быть хорошо подготовлены в Винчестере к учебе в университете, и, как мы увидим, они должны были получать в колледже специальное обучение в дополнение к преподаванию в университете. Их великолепный дом включал в себя, помимо жилых комнат, благородную часовню и зал, библиотеку, сад и прекрасный монастырь для религиозных процессий и погребения умерших. Король Генрих VI построил еще более великолепный дом для своих кембриджских стипендиатов, а его примеру последовал Генрих VIII. Более поздние основатели колледжа, как мы уже говорили, ожидали послушания, пропорционального их щедрости, и более простые уставы ранних колледжей часто пересматривались и приводились в соответствие с уставами более поздних оснований. Мы оставим для более позднего раздела то, что хотим сказать об образовании, а здесь займемся привычками и обычаями.

Правило Мертон, согласно которому разговор должен вестись на латыни, обычно содержится в уставе колледжа. В Питерхаусе при наличии справедливой и разумной причины иногда можно было говорить по-французски, но по-английски - очень редко. В Нью-Колледже на латыни полагалось говорить даже в саду, хотя при обращении к мирянину можно было использовать английский. В Колледже королевы в Оксфорде, который был основан придворным, французский язык был разрешен в качестве обычной альтернативы

латыни, а в Колледже Иисуса в Оксфорде разговор мог вестись на греческом, латыни или иврите. Несмотря на влияние эпохи Возрождения, кажется маловероятным, что греческий или иврит часто использовались в качестве альтернативы латыни, но правило латинского языка стало менее жестким, и в уставах XVI века более щедро предусмотрены исключения из него. Латинское правило было не просто методом обучения; оно было намеренно задумано как контроль над разговорами. Основатели колледжа приняли апостольскую максиму о том, что язык творит великое зло, и были убеждены, что золотое правило молчания - это защита как от хамства, так и от ссор. В более позднем уставе Клэр законодатель признает, что "частые разговоры" могут привести не только к потере времени, но и к формированию склонности интересоваться пустяками, и запрещает любые встречи в спальнях (даже встречи магистров искусств) с целью пиршества или разговоров. Если кто-то хочет принять друга за ужином или обедом, он должен обратиться к магистру за разрешением, а такое разрешение дается крайне редко. Разговоры в зале запрещались правилом молчания и предоставлением читалки, которую мы уже встречали в Мертоне. Читаемой книгой почти всегда была Библия. Уильям Уайкхемский, которому в этом, как и в других отношениях, последовали более поздние основатели колледжа, запретил своим ученикам оставаться в зале после обеда или ужина, мотивируя это тем, что они могут разговорить скандал и поссориться; но в дни больших праздников, когда в зале разводили огонь, они могли сидеть и предаваться песнопениям, слушать стихи, хроники и "mundi hujus mirabilia". Слова устава (которые вновь встречаются в уставах более поздних колледжей), похоже, подразумевают, что даже зимними вечерами огонь горел в зале только в дни праздников, а средневековый студент должен был сильно страдать от холода. Как правило, каминов в личных комнатах не было вплоть до XVI века, когда мы находим упоминания о них, *например*, в уставе колледжа Корпус-Кристи, Оксфорд; а деревянные ставни, заменявшие окна, закрывали скудный свет зимнего дня. Когда ночью в зале проводился диспут (ср. с. 146), зажигался огонь, но мы не знаем, как, когда не было диспутов или заседаний колледжей, средневековый студент проводил время между ужином и "ночным колпаком", сопровождавшим комплин. Обед был в десять утра, а ужин - в шесть вечера. Доктор Кайус в середине XVI века приказал своим студентам ложиться спать к восьми часам вечера, и "рано ложиться", должно быть, было обычаем зимних вечеров в средневековом колледже. "Рано вставать" было суровым законом даже в темное утро, ведь день студента начинался в шесть часов, и он часто слушал лекции, которые начинались в темноте, хотя рассвет заставлял лектора до того, как он заканчивал свое длинное изложение. В ранние времена завтрак не предусматривался, и, хотя существование такой трапезы четко прописано в уставе Колледжа королевы в Оксфорде, в уставе Нового колледжа нет и намека на нее. Вероятно, некий неофициальный прием пищи был обычным явлением повсюду и либо оплачивался частным образом, либо на него не обращали внимания власти. Отсутствие общего положения о завтраке привело к тому, что он проходил в частных комнатах, а не в зале, и именно это послужило причиной скромного происхождения вечеринки с завтраком в колледже.

В разных колледжах количество жильцов в одной комнате было разным. В более поздних уставах колледжей были предусмотрены особые условия для главы колледжа; в Новом колледже ему (впервые) было предоставлено отдельное помещение и запас тарелок и кухонных принадлежностей; он должен был обедать в зале только в двадцать великих церковных праздников и сидеть в этих случаях за отдельным столом. Генрих VI последовал этому прецеденту в Королевском колледже, и в других местах мы видим, что глава колледжа должен иметь "principalem mansionem" с садом и конюшней для лошадей, без которых было не принято путешествовать по делам колледжа. В обязанности главы обычно входило распределять комнаты между другими членами колледжа и следить за тем, чтобы младшие находились под надлежащим присмотром. В Питерхаусе и во многих других колледжах в

каждой палате должно было быть по два человека. Когда Уильям Уайкхемский вел масштабное строительство, он распорядился, чтобы в комнатах первого этажа проживало по четыре человека, а в комнатах второго этажа - по три. В Королевской школе было три человека в комнатах первого этажа и два - в комнатах второго этажа. В Магдалене число жильцов было таким же, как и в Новом колледже, но две кровати в верхних комнатах и одна в нижних должны были быть "*lectuli rotales, Trookyll beddys vulgariter appellati*". Обычно предоставлялись отдельные кровати, хотя иногда мальчики младше четырнадцати или пятнадцати лет были лишены этой роскоши. Спальни были также кабинетами; в Оксфорде не было общей гостиной, за исключением монастырских колледжей, хотя в уставе Кембриджского колледжа говорится о "парлуре", соответствующей современной гостиной или комбинированной комнате. Каждый из обитателей комнаты в Новом колледже был владельцем небольшого окна, у которого он работал, вероятно, за каким-то "кабинетом" или столом, как в старых винчестерских "игрушках". В комнатах было четыре окна и четыре "*studiorum loca*", а общий тип палаты колледжа после основания Нового колледжа представлял собой комнату с одним большим окном и двумя, тремя или четырьмя маленькими окнами для "занятий".

Значительная часть забот составителей уставов была посвящена запрету развлечений. Устав Питерхауса запрещал заводить собак и соколов, "потому что если один может завести их в доме, то все захотят их иметь, и тогда возникнет постоянный вой", который будет беспокоить учеников. Игра в кости и шахматы, запрещенные для клерков, также были запрещены, а ученым Питерхауса запрещалось посещать таверны, заниматься торговлей, общаться с актерами или посещать театральные представления. Эти постановления повторяются в более поздних уставах Колледжа, с такими дополнениями, которые диктовало знание законодателем человеческой природы, и со случайными пояснениями, представляющими определенный интерес сами по себе. Содержание собак часто описывается как "взять хлеб детей и отдать его собакам", а основатель Колледжа королевы в Оксфорде приказал не держать животных в комнатах стипендиатов, поскольку чистота воздуха необходима для учебы. Уильям Уайкхемский категорически запретил шахматы, которые относил к играм, ведущим к потере денег или имущества, но король Генрих VI, широко использовавший устав Нового колледжа, опустил упоминание о шахматах в уставе Королевского колледжа, а к осуждению Уайкхемом хорьков и ястребов прибавил *экспургаториус* животных, включающий обезьян, медведей, волков и стад, и категорически запретил сети для охоты или рыбалки. Принцип, по которому современные деканы колледжей иногда решают, что "граммофоны - это собаки" и поэтому должны быть исключены из колледжа, можно проследить в многочисленных постановлениях против музыкальных инструментов, которые нарушают покой, необходимый для обучения. О том, что средневековый студент испытывал соблазн "рэггинга" примерно так же, как и его современные преемники, свидетельствуют многочисленные угрозы, направленные против тех, кто бросает камни и другие снаряды, подвергая опасности здания. Уайкхем счел необходимым запретить бросать камни в часовне, чтобы не повредить окна и ризницу, а для безопасности ризницы он запретил танцевать и прыгать в зале, который примыкает к часовне. Игры в Зале также были запрещены для удобства капелланов, которые жили в комнатах под ним. Король Генрих VI запретил танцы и прыжки, а также другие опасные и неподобающие игры в часовне, клуатре, кабинках и зале Королевского колледжа.

Другие дисциплинарные правила, общие для всех колледжей, касаются ношения оружия, непунктуальности, разговоров во время чтения в зале или нарушения службы в часовне, приведения в колледж посторонних, ночевки вне колледжа, отсутствия без отпуска, небрежности и безделья, сквернословия или оскорбительных выражений, разлива воды в

верхних комнатах в ущерб обитателям нижних комнат, а также непосещения регулярных "scrutinies" или объявленных общих собраний по делам колледжа. На этих заседаниях рассматривались любые серьезные обвинения против членов Общества, и в соответствии с некоторыми судебными идеями того времени некоторые уставы запрещали обвиняемому иметь копию обвинительного заключения против него. За контумацию, серьезные моральные проступки, насильственные преступления и ересь полагалось изгнание. Менее серьезные проступки наказывались вычетом "коммонов", то есть лишением пособий на день или неделю (или дольше), или денежными штрафами. Когда основатели колледжей предоставляли своим ученикам не только питание и жилье, но и одежду, лишение мантии заняло свое место среди наказаний, которые грозили нарушителям. Бедных мальчиков", которые пели в часовне и ждали стипендиатов, пороли, как и мальчиков в других местах, которых обучали грамматике, но розги были неизвестны в качестве наказания для студентов до конца средних веков. Введение телесных наказаний в жизнь колледжа в Англии можно проследить, сравнив уставы Уильяма Уайкхемского и Генриха VI. Устав Королевского колледжа "De correctionibus faciendis circa delicta leviora" во многом повторяет устав Нового колледжа с тем же названием, и оба они предусматривают вычитание коммун в качестве обычного наказания. Но устав Королевского колледжа содержит дополнительный пункт, согласно которому ученые и младшие стипендиаты могут быть наказаны розгами. В уставе Магдалены, датированном примерно семнадцатью годами позже, Уильям Уэйнфлетский вернулся к форме устава Нового колледжа, но предусмотрел, что его демены (*то есть* ученые, получавшие половину коммуны стипендиата) должны подвергаться наказанию розгами в Грамматической школе. Устав колледжа Христа предписывает штраф в один фартинг за непунктуальность стипендиатов, обучающихся на факультете искусств, и более серьезные штрафы за отсутствие, и добавляется, что если нарушитель не совершеннолетний, то порка заменяет денежное наказание. В Брасеносе, где все стипендиаты были по меньшей мере бакалаврами искусств, для студентов младших курсов была установлена необычайно строгая дисциплина, и нарушителей наказывали либо штрафами, либо розгами, причем директор решал, какое наказание подойдет в каждом конкретном случае. За непунктуальность, за небрежность и безделье, за игры, смех, разговоры, шум или английский язык в лекционном зале, за оскорбление товарищей по учебе или за неповиновение своим пасторам и мастерам бакалавриата Брасеносе полагалась немедленная порка. Среди преступлений, за которые предписывалось пороть, мы находим "проведение одиозных сравнений" - фраза, которая проливает некоторый свет на темы разговоров студентов XVI века. Вид сравнения указан в уставе; следует избегать замечаний о стране, семье, манерах, учебе, способностях или личности сокурсника. Точно так же в Кембриджском колледже Иисуса запрещено сравнивать страну со страной, расу с расой или науку с наукой, и Уильям Уайкхемский и другие основатели должны были делать подобные запреты. Средневековый студент был явно склонен к ссорам, и такие записи, как знаменитая мертонская "проверка" 1339 года и расследования, проводимые посетителями колледжа, показывают, что старшие подавали младшим студентам плохой пример. Устав Колледжа Корпуса Кристи в Оксфорде предусматривает два новых наказания. Провинившийся студент мог быть приговорен к самостоятельному питанию за небольшим столом в центре зала, а в особо тяжких случаях - к монастырскому наказанию хлебом и водой. Альтернативным наказанием было задержание в библиотеке в самое неудобное время ("*per horam vel horas cum minime vellet*"), а также выполнение наговора, который должен был быть показан в надлежащее время. Грубое и готовое наказание розгами, однако, часто упоминается в уставах Corpus и других коллегий XVI века. Кардинал Вулси считал правильным, чтобы студента пороли до тех пор, пока он не закончит двадцатый год обучения. В Тринити, Кембридж (где нарушителей пороли в обществе перед собравшимся колледжем по вечерам в пятницу) этот возраст составлял

восемнадцать лет. Доктор Кайус ограничил применение розги в отношении ученых, не достигших совершеннолетия. "Мы называем взрослыми, - говорит он, - тех, кому исполнилось восемнадцать лет. Ибо до этого возраста, как в древние времена, так и на нашей памяти, молодежь не привыкла носить *браки*, довольствуясь *берцами*, доходящими до колен". Суровый дисциплинарный работник может найти оправдание для продления возраста порки в пожелании основателя, что "не только годы должны делать взрослым, но и серьезность поведения и хороший характер". Уже после основания Пембрук-колледжа в Оксфорде (1624 г.) порка является наказанием, предусмотренным для студентов младше восемнадцати лет. Но когда мы переходим к уставу, составленному в 1698 году с целью основания Вустерского колледжа, там не только нет упоминания о розгах, но даже денежные штрафы не предусмотрены мелких проступков, за которые предлагается налагать взыскания и ставить подножки.

Незначительные наказания исполнялись главой колледжа, вице-главой, деканами и, в колледжах XVI века, тьюторами. Согласно более поздним уставам колледжей, эти должностные лица получали в личное пользование часть наложенных ими штрафов, а апелляции иногда разрешалось подавать старосте и даже канцлеру или вице-канцлеру университета. Присяга, которую давали ученые, часто обязывала их сообщать властям о любом нарушении устава, и есть свидетельства того, что членов колледжа поощряли сообщать друг другу о проступках. Так, магистр колледжа Христа должен оштрафовать любого, кого он услышит произносящим одно законченное предложение на английском языке, или любого, о ком он может знать, что тот был виновен в этом нарушении, за исключением спальных комнат или времени, когда было дано разрешение.

Оксфордский и Кембриджский колледжи, как мы уже видели, были одаренными домами для обучения светских клерков. Все они при поступлении должны были иметь постриг, и часто предусматривалась стрижка волос и бороды. В колледже Христа был штатный цирюльник колледжа, "который... подстригал волосы и бороду". Они носили обычную церковную одежду, а чрезмерные траты на одежду и украшения строго запрещались, *например*, стипендиатам Питерхауса было запрещено носить кольца на пальцах "*ad inanem gloriam et jactantiam*". Первые основатели не настаивали на принятии Святого ордена главами или стипендиатами своих колледжей, хотя многие из них, естественно, должны были перейти к священству, но в более поздних уставах колледжей все стипендиаты в конечном итоге должны были в установленное время перейти к Святому ордену и священству, хотя могли быть предоставлены разрешения на отсрочку, а студенты-медики иногда освобождались от священства. Став священниками, они, как и другие священники, должны были регулярно служить мессе в капелле, но не получать плату за богослужения за пределами колледжа. Будучи простыми постриженными студентами, они поначалу не подчинялись правилам ежедневного посещения богослужения; но позже основатели стали строже в этом, как и в других вопросах. Епископ Бейтман, который в середине XIV века издавал законы для младенческого Гонвилл-колледжа, приказал, чтобы каждый стипендиат ежедневно слушал одну мессу и произносил определенные молитвы, и в своем собственном учреждении Тринити-холл он повторил это предписание. Предписанные молитвы включали прошения об основателе или об упокоении его души; Каждый стипендиат Тринити-холла должен был произносить, вставая утром и ложась спать ночью, молитву "*Rege quaesumus Domine*" при жизни епископа, а после его смерти "*Deus qui inter Apostolicos Sacerdotes*," и произносить псалом "*De profundis clamavi*" и "*Kurie eleeson*" за упокой души отца и матери основателя, его предшественников на Норвичском престоле, а после его смерти - за его собственную душу. Десять священников, обслуживавших часовню в Новом колледже, совершали мессы за основателя и его благодетелей, но каждый стипендиат должен был посещать мессу

каждый день и читать молитвы в своей комнате утром и вечером, включая "Rege, quaesumus, Domine, Willielmum Pontificem Fundatorem nostrum" или, после его смерти, "Deus qui inter Apostolicos sacerdotes famulum tuum Fundatorem nostrum pontificali dignitate"; и каждый день, как после высокой мессы в капелле, так и после обеда и ужина в зале, произносился псалом "De profundis". За небрежность предписывались наказания, а со временем за отсутствие в капелле наказывали розгами, *например*, в колледже Христа и в Баллиоле, для которых в 1507 году был разработан новый устав.

Проживание в колледже было непрерывным в течение всего года, даже во время университетских каникул, которые длились с начала июля до начала октября. Отпуск мог быть предоставлен в любое время года на разумных основаниях, но, как правило, он предоставлялся на время каникул. Были установлены общие правила поведения в соответствии с профессией священнослужителя во время отсутствия, и студентам, находящимся в отпуске, запрещалось посещать таверны или иным образом нарушать правила, обязательные для них в университете. Иногда мы встречаем некоторые послабления в этих строгих правилах, например, основатель Корпуса Кристи в Оксфорде разрешает "умеренную охоту или охоту на ястребов", когда один из его стипендиатов находится на каникулах за пределами Оксфорда. Тот же снисходительный основатель, после обычного запрета на игры в колледже, разрешает игру в мяч в саду ради здоровой физической нагрузки. ("Non prohibemus tamen lusum pilae ad murum, tabulata, aut tegulas, in horto, causa solum modo exercendi corporis et sanitatis.") Связь с домашней жизнью поддерживалась каникулярными визитами, но приток "людей" в университет был, конечно, неизвестен. Старинный устав Питерхауса разрешает женщине (даже если она не родственница) разговаривать со стипендиатом в зале, желательно в присутствии другого стипендиата или, по крайней мере, слуги; но законодатель серьезно опасался результатов таких "confabulationes", и созданный им прецедент не был соблюден. По уставу колледжа стипендиату или ученому часто разрешается развлекать своего отца, брата, племянника или друга, предварительно получив согласие главы колледжа и оплатив развлечение частным образом, но такой гость не может спать в колледже, и это разрешение тщательно ограничивается мужским полом. Женщины, как правило, не допускались за ворота колледжа; если невозможно было найти мужчину для стирки одежды, можно было нанять прачку, но она должна быть старой и непривлекательной внешности. Однако ученый или стипендиат колледжа не обязывался бесповоротно вести безбрачную жизнь, поскольку брак входит в число "причин рационального и честного характера", лишаящих стипендии. Было возможно, хотя, вероятно, и нечасто, чтобы стипендиат, не принявший Священный сан, покинул колледж "uxore ducta", отказавшись от своего жалования, священнического облачения и пострига. Даже если стипендиат пользовался положением основателя в течение длительного периода обучения искусству и богословию и в свое время принял Священный сан, не предполагалось, что он останется стипендиатом до своей смерти.

"... он не получил еще ни одного благодеяния, но не был столь мирским, чтобы иметь благодеяние".

говорит Чосер, указывая на естественный конец карьеры ученого. Он мог бы посвятить себя какому-нибудь "obsequium" и высоко подняться на службе у короля, великого барона или епископа, стать, как один из первых учеников Уайкхема в Новом колледже, Генри Чичеле, архиепископом и основателем самого колледжа. Если же перед ним не откроется столь великая карьера, он, по крайней мере, сможет получить в наследство одну из тех жилплощадей, которые основатели английских колледжей приобретали для этой цели. Его "obsequium" естественным образом приведет к тому, что он перестанет проживать и, таким

образом, освободит свою стипендию, а принятие бенефиция свыше определенной стоимости приведет к такому же результату. Предполагалось, что подобное событие произойдет с каждым стипендиатом; если только он не будет избран на пост главы колледжа, не предполагалось, что он состарится в колледже, а в Колледже королевы в Оксфорде произвольный или необоснованный отказ от благодеяния лишал стипендии. Цель основателя колледжа заключалась в том, чтобы никогда не было недостатка в преемственности людей, способных служить Богу в церкви и государстве, а для непросвещенного клерка Чосера, если он был членом колледжа, со временем наступило бы время жить в деревне и прощаться с университетом. Но уставы не всегда строго соблюдались, и праздный приятель, ставший скандалом ранней Викторианской эпохи, не был неизвестен и в конце Средневековья.

Одна из причин отказа от стипендии проливает некоторый свет на класс людей, которые становились членами колледжей Оксфорда и Кембриджа. Во вступительных предложениях уставов основателей обычно содержится фраза "*collegium pauperum et indigentium scholarium*"; но более поздние разделы уставов предусматривают возможность наследования имущества - "*patrimonium, haereditatem, feudumve saeculare, vel pensionem annuam*" - и если такое имущество превышало годовую стоимость ста шиллингов, стипендия *автоматически* прекращалась. Выражения "*pauperes et indigentes*" не следует понимать слишком буквально; основатель колледжа претендовал на заслуги того, кто считает бедных, а использованный им язык был частью обычных формул того времени и не должен толковаться более строго, чем обычные фразы юридических и дипломатических документов или обычные термины вежливости, которыми начинается и завершается современное письмо. То, что основатель английского колледжа хотел оказать помощь там, где она требовалась, не вызывает сомнений, но помощь требовалась не только самым бедным. Продвижение изучения теологии было близко к сердцу каждого средневекового основателя, а изучение теологии требовало отдать лучшие годы жизни человека и продлить период обучения на долгое время после того, как он, как можно ожидать, начнет зарабатывать себе на жизнь. Программа обучения в университете, которая охватывала по меньшей мере шестнадцать лет и за которой могло последовать не более доходное занятие, чем лечение бедного священника Чосера, требовала существенных стимулов, если она должна была привлечь лучших людей. Каноническое право, гражданское право и медицина, если они предоставляли больше возможностей для достижения компетентности, также требовали очень длительного периода обучения в университете. В Средние века (как и в наши дни) было много молодых людей, не "нищих" и не "неимущих" в строгом смысле этого слова, но слишком бедных, чтобы позволить себе шестнадцать лет обучения в университете. Длительность средневековой учебной программы породила некоторые из потребностей, для удовлетворения которых были созданы колледжи.

То, что основатели не думали о беднейших слоях общества, видно из многих положений их уставов. Они часто предоставляли только пансион и жилье, оставляя своих подопечных искать другие предметы первой необходимости; они назначали штрафы (например, вычитание коммуны за месяц), которые означали бы голодную смерть для людей без гроша в кармане; они предусматривали развлечения и путешествия, а в случае доктора Нового колледжа даже содержание личного слуги за личный счет своих учеников и стипендиатов; они запрещали тратить деньги на экстравагантные наряды и увеселения. Уильям Уайкхемский предоставлял пособия для получения ученых степеней в университете, если у кого-то из его стипендиатов не было личных средств и друзей, которые могли бы ему помочь ("*propter paupertatem, inopiam, et penuriam, carentiamque amicorum*"); но сумма, которой можно было распорядиться таким образом, была строго ограничена, и получатель должен

был доказать свою бедность и поклясться в правдивости своего заявления. Очень частое требование обеспечить родственников Основателя наводит на мысль, что общество, к которому он хотел, чтобы принадлежало большое количество его родственников, имело более высокое социальное положение, чем богадельня; а либеральные ассигнования на питание стипендиатов, в отличие от сумм, выделяемых слугам и хористам, показывают, что жизнь в Колледже должна была быть легкой и комфортной. Тот факт, что рутинную работу должны были выполнять слуги, а за столом стипендиатов ждали "бедные мальчики", лишний раз свидетельствует о достоинстве Общества. В Новом колледже в обязанности одного из слуг входило разносить по школам книги стипендиатов и ученых. О том, что средневековые стипендиаты обладали значительными средствами, свидетельствуют два завещания, напечатанные в "Munimenta Academica". Генри Скейф, стипендиат Королевского колледжа, в 1449 году оставил семь фунтов своему отцу, меньшие суммы большому числу друзей, в том числе по шесть пенсов каждому стипендиату колледжа, а также распорядился по завещанию овцами, крупным рогатым скотом и лошадьми. В 1457 году Джон Сеггефилд, стипендиат Линкольн-колледжа, завещал своему брату поместья в Кингстон-бай-Халле, оставленные ему отцом, по двенадцать пенсов каждому из своих коллег и тринадцать шиллингов и четыре пенса своему душеприказчику. Должно ли было имущество этих людей привести к отказу от стипендий - вопрос, который, возможно, интересовал их коллег в то время; для нас же эти факты важны как иллюстрация личных средств членов общества "бедных и неимущих" ученых и как указание на класс, из которого такие ученые черпались.

Правила колледжей в других странах значительно дополняют наши знания о средневековой студенческой жизни. В Париже, где эта система получила свое скромное начало с аренды комнаты для восемнадцати бедных ученых одним доброжелательным англичанином, вернувшимся из паломничества в Палестину в 1180 году, идеал колледжа развивался медленно и так и не достиг своего наивысшего развития. Даже когда большинство парижских студентов стали жить в колледжах, колледж не был реальной единицей университетской жизни, как и парижский колледж не был самоуправляемой общиной, как Мертон или Питерхаус. Разделение Парижского университета на нации повлияло на его социальную жизнь, и факультеты были разделены в Париже таким образом, который неизвестен в Англии. Парижский колледж был организован в соответствии с делением на факультеты, что настолько не соответствовало идеям английских основателей, что Уильям Уайкхемский постановил, что канонисты и цивилисты должны быть смешаны в палатах со студентами других факультетов "ad nutriendam et conservandam maiorem dilectionem, amicitiam et charitatem inter eosdem". Поскольку в парижские коллежи часто принимали только уроженцев определенного округа, они превращались в подразделения наций. Недостатки ограничения членства в коллеже епархией или местностью были замечены и устранены основателем Сорбоннского колледжа в середине XIII века, а основатель Манского колледжа XVI века протестовал против этого обычая, Поручив своим душеприказчикам открыть свой фонд для людей из любой нации и провинции, настаивая на том, что общение с товарищами с разными языками и обычаями сделает ученых "гражданскими, красноречивыми и доктринерами", а возникшие дружеские отношения позволят им лучше служить государству. Срок пребывания в бурсе или вознаграждении члена парижского колледжа был настолько шатким, что он не мог рассчитывать на переход на более высокий факультет в своем собственном колледже, а существование внешнего органа губернаторов и патронов или посетителей, которые имели право заполнять вакансии, еще больше сдерживало рост корпоративного чувства и патриотизма колледжа. Большие полномочия, переданные внешнему органу, делали должность главы колледжа в Париже гораздо менее значимой, чем в Оксфорде или Кембридже.

Различия между английскими и парижскими колледжами можно лучше всего понять, ознакомившись с уставами некоторых ранних парижских основателей. Около 1268 года Гийом де Соне, казначей Руана, основал в Париже "Казначейский колледж" для выходцев из своей собственной епархии. Он был основан для бедных клерков, двенадцать из которых должны были быть учеными в области теологии и двенадцать - в области искусств. Они должны были отбираться архидиаконами Руанского собора, которые в то время проживали в Гран-Ко и Пти-Ко, из уроженцев этих мест или, если они не смогут, из Руанской епархии. Ученым полагались комнаты и еженедельное содержание, причем не на весь год, а на сорок пять недель с праздника святого Дионисия; семь недель каникул не предусматривались, за исключением двух богословов, которые должны были взять на себя управление домом в Париже. Доходы собирал и распределял настоятель госпиталя Святой Марии Магдалины в Руане, а архиепископ Руанский был ректором и покровителем. Студенты-искусствоведы никогда не были частью фонда, поскольку казначей почти сразу ограничил свое сообщество теологами, а срок их пребывания в фонде был строго ограничен двумя годами после получения лицензии. "Ибо мы не желаем предоставлять им ничего большего, поскольку наше намерение состоит лишь в том, чтобы побудить их перейти к получению степени магистра богословия". Их снабжали книгами, которые им запрещалось одалживать, и они находились под непосредственным надзором старшего казначея или учредителя, в обязанности которого входило созывать их раз в неделю и интересоваться их поведением и успехами в учебе. Основатель устанавливал некоторые общие правила, нарушители которых должны были быть изгнаны на этих собраниях. Им разрешалось принимать мирного простолюдина, который платил за свою комнату и был студентом богословия. Характерен интерес казначея Руана к теологии, а великий колледж Сорбонны, основанный примерно в то же время, также был ограничен богословами. Наваррский колледж, основанный в 1304 году, предусматривал обучение двадцати студентов грамматики, двадцати - логики и философии (искусств) и двадцати - теологии; каждый факультет образовывал подколледж с отдельным залом. Доктор грамматики должен был следить за учебой и нравственностью грамматиков и получать двойное еженедельное пособие в размере четырех шиллингов, а магистр искусств должен был следить за работой художников и получать двойное еженедельное пособие в размере шести шиллингов. Декан и университет магистров ученых богословского факультета в Париже" должны были выбрать светского клерка на должность ректора колледжа и управлять им совместно с органом, который его назначил. Магистры богословского факультета или их представители должны были ежегодно посещать Коллеж, изучать его финансовое и бытовое состояние, поведение ректора, магистров и ученых, а также наказывать, если сочтут нужным. Членство в Коллеже было ограничено королевством Франция. В Коллеж дю Плесси, основанный в 1322 году Джеффри дю Плесси, апостольским нотариусом и секретарем Филиппа Длинного, входили только французы, причем предпочтение отдавалось некоторым северным епархиям. Сорок ученых состояли в отдельных обществах, а главный магистр должен был быть магистром или, по крайней мере, бакалавром богословия. Дела Коллегии, касающиеся избрания, дисциплины и лишения членов, управлялись двумя епископами и аббатом, совместно с магистром и канцлером Парижского собора, а в отсутствие великих сановников - магистром и канцлером. Но финансовое управление возлагалось на провизора или прокуратора, который занимался сбором и распределением доходов.

Детали устава парижского колледжа в целом похожи на правила учредителей Оксфорда и Кембриджа, а дисциплина со временем становилась все более строгой. Посещение капеллы (единственного места встречи студентов разных факультетов одного колледжа) стало строго обязательным. Часто требовалась пунктуальность во время еды, под страхом получения только хлеба. Во время еды предписывалась тишина, читалась Библия. Латынь с самого

начала была единственным законным средством общения. Все члены колледжа должны были находиться в воротах, когда звонил комендантский час. Ношение оружия или необычной одежды было запрещено, а пение, крики и игры осуждались как мешающие занятиям других, хотя парижские законодатели относились к играм более благосклонно, чем их английские современники. Даже основатель цистерцианского колледжа Сен-Бернар предполагал, что можно получить разрешение на игры, но не перед обедом и не после звона колокола на вечерню. Свод уставов Турского колледжа XVI века, фиксируя жалобы соседей на шум, производимый учеными, играющими в мяч ("de insolentiis, exclamationibus et ludis palmariis dictorum scholarium, qui ludunt ... pilis durissimis"), разрешал игру при менее шумных условиях ("pilis seu scophis mollibus et manu, ac cum silentio et absque clamoribus tumultuosus"). Игра в кости, как правило, была категорически запрещена, но устав Корнуэльского колледжа разрешал ее при определенных условиях. В нее можно было играть, чтобы развлечь больного в праздничные дни, или без причины болезни, на бдениях в Рождество и в три Святых дня. Но ставки должны быть небольшими и выплачиваться натурой, а не деньгами ("pro aliquo comestibili vel potabili").

Наказания за мелкие проступки были во многом такими же, как и в Англии: лишение коммун на различные сроки, денежные штрафы, а в XVI веке - порка. В колледже Ле-Мана казначеи, не являвшиеся выпускниками, подлежали порке за первый проступок в школе, а за второй - в зале ("prout mos est in universitate Parisiensi"). Обязанность сообщать друг другу о проступках, о которой есть указания в английских статутах, была почти повсеместной в Париже, где все были обязаны сообщать властям о проступках "sub secreto". Наказание в виде "высечения", до сих пор применяемое в Оксфорде за нарушения этикета студентов, нашло место в парижских уставах среди серьезных наказаний. Мы находим его в Уставе Корнуайя за мелкие проступки; если человек незаконно выносит вино из колледжа, он должен заплатить за двойное количество, которое будет выпито членами колледжа, присутствовавшими в это время; если кто-то ходит по стенам или палатам в pattens ("cum calepodiiis, id est cum patinis"), он должен быть оштрафован на пинту вина. Если незнакомец введен без разрешения ("ad mensam communitatis ad comedendum vel videndum secretum mensae"), наказание - кварта доброго вина для присутствующих в зале собратьев. За неприличный шум, особенно за трапезой и во время молитвы, обычное наказание - кварта обыкновенного вина ("vini mediocris"). За разговор на жаргоне полагается штраф в размере "цены пинты вина", но, поскольку обычное указание пить его опущено, это, вероятно, не было скоморошеством; в цистерцианском колледже за этот проступок полагалось скоморошество. Пока что проступки, за которые предписывается битье сконами, в большинстве случаев можно было бы сравнить с английскими колледжами в более поздние времена, но в уставе Корнуайя сконны также являются наказанием за удар слуги, если только рана не была тяжелой, в этом случае назначались более серьезные наказания. Весь приговор - иллюстрация отсутствия контроля над вспышками плохого настроения, характерного для средневековой жизни. Все ученые должны быть осторожны, чтобы не ударить слуг в гневе или по злобе, не причинить им вреда; тот, кто нанесет легкую травму, должен быть оштрафован на кварту вина; если травма будет более серьезной, хозяин должен лишить его бursy на один день или более, по своему усмотрению и по усмотрению большинства ученых: В случае обильного выделения крови или серьезного ранения следует сообщить об этом провизору (епископу Парижскому или его генеральному викарию), который должен лишить обидчика его бursy или даже наказать его иным образом. В Сорбонне за нападение на слугу полагалось выпить кварту особо хорошего вина за счет стипендиатов; за слишком громкий разговор в зале полагалось две кварталы (предположительно, обычного вина). Доктор Рашдалл цитирует из MS. Реестра Сорбонны, реальные случаи применения брани: "Доктор богословия получает кварту вина за то, что сорвал грушу с дерева в саду колледжа, или, опять же, за то, что забыл закрыть дверь

часовни, или за то, что принимал пищу на кухне. Клерков штрафуют на пинту за "неумеренный" стук в дверь во время ужина...", за "конфабуляцию" в суде поздно ночью и отказ идти в свои покои по приказу..... Старшего повара отшлепывают за то, что он "плохо приготовил мясо к ужину" или не положил соль в суп". Среди примеров, приведенных д-ром Рэшдаллом из этого источника, - штраф в два шиллинга за пьянство и штраф в вине, наложенный на старшего повара за то, что он был найден "cum una meretrice". За столь серьезный проступок казначея, согласно уставу многих колледжей, следует исключение, и д-р Рашдалл приводит пример такого наказания: однако основатели парижских колледжей были менее суровы в отношении моральных проступков, чем английские основатели. В монастырском колледже Мармутье только за второе нарушение приведение в колледж ("mulierem suspectam et inhonestam") приводило к изгнанию, а в колледже Корнуайль наказанием за первое нарушение было лишение коммуны или бурсы на пятнадцать дней, а за второе - лишение на месяц; но даже в Корнуайле фактическое недержание наказывалось изгнанием.

Поздний свод уставов колледжа XIV века из Дейнвиля дает нам представление об учебном дне студента. Подъем начинался в пять часов, за исключением воскресений и праздничных дней, когда разрешался час отсрочки. Служба в часовне начиналась в 5.30: молитвы, медитация и урок Нового Завета, после чего в шесть часов начиналась месса колледжа. На ней должны были присутствовать все студенты, проживающие в колледже. Прием простолудинов, ранний случай которого мы отметили в Колледже казначеев, развился до такой степени, что во всех колледжах, помимо казначеев или фондов, было большое количество "foranei scholares", которые сами оплачивали свои расходы, но подчинялись дисциплине колледжа и получали большую часть своего образования в колледже. После мессы начиналась дневная работа: посещение школ и выполнение упражнений для своего хозяина в Колледже. Обед наступал около двенадцати часов, когда либо казначей, либо внешний студент читал "сначала Священное Писание, затем книгу, назначенную мастером, затем отрывок из мартиролога". После ужина час отводился на отдых - прогулку по окрестностям колледжа или беседу, а затем каждый отправлялся в свою комнату. Ужин был в семь, чтение было таким же, как и за ужином, а промежуток до 8.30 снова был свободен для "deambulatio vel collocutio". В 8.30 ворота колледжа закрывались, и начиналась вечерняя капелла. Правила, запрещающие оставаться в зале после ужина, встречаются как в парижских, так и в английских уставах, а также мы находим запреты на пронос дров в частные комнаты. Общее устройство покоев парижского колледжа, вероятно, напоминало оксфордские или кембриджские, и мы находим упоминания об "учебе". Устав монастырского колледжа Ключни предписывает, что "поскольку разум становится благоразумнее, если сидеть и молчать, указанные студенты в положенные и положенные для учебы часы должны находиться и сидеть в одиночестве в своих кельях и за своими занятиями". Парижские законы строже английских в том, что касается частых проверок комнат студентов, а кодекс парижского колледжа XVI века предписывает служителям видеть своих учеников каждый вечер перед сном и убеждаться, прежде чем самим уходить на ночь, что студенты спят и не бродят по четырехугольнику.

Строгий надзор существует и в колледжах других французских университетов, даже в тех, которые относятся к студенческому типу. Особенно строгим он был, конечно, в монастырских колледжах, перенесших в университет свои обычаи; в колледже Нотр-Дам-де-Питиэ в Авиньоне хозяин послушников жил в комнате, примыкавшей к их общежитию, и имел окно, через которое мог наблюдать за их занятиями. Иногда надзор был связан с мерами предосторожности от пожара, *например*, в колледже Сен Руф в Монпелье каждую неделю назначался офицер, который обходил ночью все покои и комнаты и предупреждал

каждого, кто держал свечу или огонь в опасном положении, возле своей кровати или в кабинете. Он должен был носить с собой ведро воды, чтобы быть готовым к чрезвычайным ситуациям. Похожая мера предосторожности была принята в Collegium Maius в Лейпсике, где вода хранилась в ведрах рядом с общежитиями, а кожаные ведра, которым уже несколько веков, до сих пор можно увидеть в Оксфорде. Как правило, в общежитиях для каждого жильца ставилась отдельная кровать, но в колледже Святого Николая де Пелегри в Кагоре студенты-искусствоведы (поступавшие в возрасте четырнадцати лет) спали по двое на одной кровати. Настаивание на использовании латыни почти повсеместно; ученых колледжа де Фуа в Тулузе предупреждают, что только пахари, свинопасы и прочие деревенщины пользуются родным языком. Тишина и чтение Библии во время еды - обычное дело, а студентам иногда говорят, чтобы они по возможности подавали знаки о своих нуждах. Штрафы за опоздание на обед - обычное дело, и есть запреты на то, чтобы не врываться в зал с насилием и жадностью: никто не должен приближаться к кухне, чтобы захватить еду, а те, кто входит в зал первым, должны ждать, пока придут остальные, и все должны садиться в надлежащем порядке. Запреты на собак во французских уставах встречаются нечасто; в Колледже врачей-душегубов в Монпелье, разрешалось жить в колледже одной сторожевой собаке. Женщинам часто запрещалось поступать в коллеж, "поскольку муьерский капут - это грех, arma dyaboli, expulsio paradysi, et corruptio legis antiquae". Колледж Сен-Руф в Монпелье, в уставе которого встречается эта формула, разрешал женщинам стоять в капелле во время мессы, но при условии, что они не входят в хор. Монастырский институт Богоматери Милосердной в Авиньоне дошел до того, что учредил для молодых мальчиков должность матроны, пожилой женщины под названием "Mater Novitiorum Collegiatorum". В колледже Брейль в Анжере женщина могла посещать колледж днем, если директор был уверен, что скандала не возникнет. Штрафы за хождение по городу в масках, пение или танцы предусмотрены во многих уставах, но шествия в честь святых и хоры в честь присвоения степеней иногда разрешаются. Богохульство и сквернословие сильно беспокоили французских составителей уставов, и существует множество положений, запрещающих хулить Пресвятую Деву. В колледже Брейль в Анжере за произнесение или пение "verba inhonesta tam alte", особенно в публичных местах колледжа, налагается штраф в размере двух пенсов; в Германии в Коллегии Минус в Лейпсике также предусмотрено запрещение писать "impudentia dicta" на стенах колледжа. Обычными наказаниями за мелкие проступки были штрафы и вычитание коммун: упоминания о порке редки, хотя она встречается как во французских, так и в немецких коллегиях. За более серьезные преступления полагалось отстранение от занятий и изгнание. В колледже Пелегри в Кагоре проникновение в колледж через окно или иным способом после того, как большие ворота были закрыты, влекло за собой отстранение от занятий на два месяца за первое преступление, на шесть месяцев за второе и изгнание за третье. В колледже де Вердаль в Тулузе изгнание было наказанием за список преступлений, включающий кражу, проникновение в колледж тайком, взлом подвала, приведение метиски, колдовство, алхимию, вызов демонов или жертвоприношение им, подлог и заключение "плотского или духовного брака".

Мы можем завершить наш обзор средневекового колледжа, мельком взглянув на французский колледж в XIV веке. У нас есть запись о посещении бенедиктинского фонда Святого Бенедикта в Монпелье, частично монастыря и частично колледжа. Настоятеля строго расспрашивают о поведении студентов. Большинству из них он дает хорошую характеристику, но в маленьком стаде есть и черные овцы. Петр несколько легкомыслен ("aliquantulum est levis capitis"), но не неисправим; он был виновен в употреблении "обидных и провокационных слов", но приор исправил его, и он терпеливо принял исправление. Жизнь Бертрана - "aliquantulum dissoluta", и он составил заговор, чтобы избить (и, как считают некоторые, убить) Доминуса Саварикуса, который бил его вместе с остальными, когда он не

знал своих уроков. (Бертран говорит, что ему восемнадцать, а выглядит на двадцать один, но это монашеский колледж, и избиение - это монашеская дисциплина). Далее приор сообщает, что Бертран ссорится; ему приходилось заставлять его менять постель и каморку, потому что остальные не могли его выносить; он бездельник и часто открыто говорит, что предпочел бы быть "клаустралисом", а не студентом. Брезо прост и легко управляем, он был одним из заговорщиков Бертрана. Вильгельм - "пессимальный собеседник" и неисправимый, скандалист на словах и на деле, бездельник и любитель побродить по городу. Исправление в его случае тщетно. После доклада приора ученики подвергаются экзамену *viva voce* по тем частям декреталов, которые они изучают, и результаты экзамена в целом подтверждают мнение приора. Бертран, Брезо и Уильям, как выяснилось, ничего не знают и зря потратили время. Остальные хорошо себя показали, и экзаменаторы были милосердны к мальчику, который нервничал *во время viva voce*, но о его занятиях Доминус Саварикус, который оправился от нападения на него, дал хороший отчет. Монахи, а особенно послушники, тоже люди, и опыт школы Святого Бенедикта в Монпелье, вероятно, был похож на опыт светских колледжей во Франции и других странах. Даже в демократической Болонье в Испанском колледже (устав которого цитирует д-р Рэшдалл) было необходимо установить дисциплину, включавшую наказание в виде пяти дней в колодках и еды из хлеба и воды, съеденной сидя на полу в зале, за нападение на брата-студента; если проливалась кровь, наказание удваивалось. Устав испанского колледжа был суров для четырнадцатого века и наказывал за отсутствие на лекциях, непунктуальность, ночные блуждания и прочее не менее строго, чем любой английский основатель.

ГЛАВА V

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Растущая традиция строгой дисциплины в колледжах в конечном итоге привела к появлению дисциплинарных уставов в университетах. С самых ранних времен университеты, конечно, устанавливали правила в отношении учебной программы, и граница между учебой и нравами не могла быть абсолютно фиксированной. В Париже, правда, только в XV веке мы находим подробный свод дисциплинарных уставов; но предписания XIV века относительно одежды были частично направлены на то, чтобы предотвратить проступки студентов, маскирующихся под светских людей, а в 1391 году Английская нация запретила чрезмерное количество "*potationes et convivias*" в честь "веселого прихода" первокурсника или по другим поводам. Только в середине XV века Парижский университет осознал свои недостатки в нравах и морали; Николай V поручил кардиналу Вильгельму де Эстутвилю реформировать его, и внутренняя реформа, необходимость которой признавалась уже несколько лет, началась примерно в то же время с эдикта факультета искусств, предписывающего общее улучшение, и особенно запрещающего празднование праздников "*cum mimis seu instrumentis altis*". Постановления Эстутвиля в значительной степени касаются учебной программы, он был не менее озабочен реформой мастеров, чем учеников, и его увещевания часто носят общий характер или основываются на Писании. Среди пунктов дисциплины, на которых он делает акцент, - пиршества, неподобающее одеяние или одежда светских людей, ссоры, игры и танцы "*dissolutas et inhonestas*". Четыре магистра или доктора должны ежегодно инспектировать колледжи и педагогические заведения, в которых живут студенты, и следить за поддержанием надлежащей дисциплины. Время от времени подобные постановления принимались и факультетом искусств, *например*, в 1469 году было предписано, что ни один студент не должен носить привычку дурака, кроме как для фарса или моралите (развлечения, разрешенные в этот период). Любой, кто носит оружие или наряжается дураком, должен быть избит на публике и в своем собственном зале. Последние

правила, несомненно, связаны с городскими и городскими беспорядками, для которых Праздник дураков предоставлял заманчивую возможность.

Отсутствие дисциплинарных предписаний в записях Парижского университета во многом объясняется тем, что уголовные обвинения против парижских ученых рассматривались в епископском суде, а гражданские иски - в суде проректора Парижа. В Оксфорде, где вся юрисдикция принадлежала канцлеру университета, дисциплинарные уставы гораздо более многочисленны. Начиная с середины XIII века, мы находим ряд эдиктов против ученых, которые нарушают мир или носят оружие, входят в дома граждан с целью совершения насилия, практикуют искусство меча и пряжки или виновны в грубой безнравственности. Закон 1250 года запрещает ученым отмечать свои национальные праздники в масках или гирляндах, а закон 1313 года ограничивает ношение оружия студентами, отправляющимися в длительное путешествие или возвращающимися из него. Преступники, которые отказываются идти в тюрьму или сбегают из нее, подлежат изгнанию. Уже в середине XIII века в обязанности прокторов и директоров залов входило расследование и донесение о проступках ученых, которые нарушали правила университета или вели дурной образ жизни. Список штрафов, составленный в 1432 году (в период, когда, по мнению университета, денежный штраф был страшнее всего остального), предусматривает штрафы в размере двенадцати пенсов за угрозу насилия, двух шиллингов за ношение оружия, четырех шиллингов за сильный толчок плечом или удар кулаком, шести шиллингов и восьми пенсов за удар камнем или палкой, десять шиллингов за удар мечом, ножом, кинжалом или любым другим подобным "воинственным оружием", двадцать шиллингов за ношение лука и стрел со злым умыслом, тридцать шиллингов за сбор с целью нарушения мира, препятствования исполнению правосудия или нападения на кого-либо, и сорок шиллингов за сопротивление исполнению правосудия или ночное блуждание. В каждом случае пострадавшему также полагается возмещение ущерба. Приём переполнения суда (хорошо известный в истории Шотландии) запрещен постановлением, согласно которому никто не должен являться к канцлеру более чем с двумя спутниками.

Записи канцлерского суда содержат примеры исполнения этих предписаний. В 1434 году один ученый был уличен в ношении кинжала и приговорен к "инбокардатусу",^[1] то есть заключению в башню у Северных ворот города, а другой преступник в 1442 году подвергся однодневному заключению, заплатил штраф в два шиллинга и лишился своего оружия. В том же году Джон Хордин, ученый из Пеквотер-Инн, был оштрафован на шесть шиллингов и восемь пенсов за то, что проломил голову Томасу Уокеру, ученику Полин Холл, а Томас Уокер был оштрафован на такую же сумму за то, что набросился с мечом на Хордина и за азартные игры. В 1433 году двое ученых, виновных в нападении на магистра Томаса Райгби в Бэгли-Вуд и краже у него двенадцати шиллингов и семи пенсов, не явились и были исключены из университета, а их имущество (оцененное примерно в тринадцать шиллингов) было конфисковано. В 1457 году четверо ученых были пойманы на том, что вошли с оружием в вольер или парк, чтобы поохотиться на оленей и кроликов; их отпустили, взяв клятву, что, пока они являются студентами Университета, они не будут больше нарушать границы закрытых парков или вольер. В 1452 году ученый из Хабурдейш-Холла был заключен в тюрьму за угрожающие высказывания в адрес портного, оштрафован на двенадцать пенсов и заключен в тюрьму; портной оскорбил заключенного и был оштрафован на шесть шиллингов и восемь пенсов. Мы привели примеры правонарушений, совершенных студентами, но злодеи далеко не всегда являются молодыми студентами, например, в 1457 году викарий Сент-Джайлс должен дать клятву соблюдать мир, его клуб конфискуется, а сам он штрафуется на два шиллинга; в том же году магистр госпиталя Святого Иоанна, который

был осужден за множество огромных правонарушений, исключается из университета за нарушение тюремного режима.

Усиление строгости дисциплинарных правил в Оксфорде в конце средневекового периода лучше всего иллюстрируют уставы, которые в пятнадцатом веке университет применял к членам несамостоятельных холлов. Студенты, не являвшиеся членами колледжа, в большинстве своем жили в одном из многочисленных залов, которые вплоть до Реформации были столь важной частью университета. Свод этих уставов, впервые напечатанный доктором Рэшдаллом, показывает, что свобода средневекового студента в значительной степени исчезла, и что жизнь жителя Холла в конце пятнадцатого века почти в такой же степени регулировалась уставом и правилами, как если бы он был участником щедрот основателя. Он должен ежедневно слушать мессу, заутреню и вечерню под страхом штрафа в один пенни и посещать определенные службы в праздничные дни. Его манеры поведения за столом регулируются уже не обычаями и этикетом его товарищей, а правилами университета. Отступления от добрых нравов теперь не должны сопровождаться наказаниями, налагаемыми его собственным обществом; если он играет в азартные игры или упражняется с мечом и пряжкой, он должен заплатить четыре пенсы; если он грешит языком, кричит или напевает, когда другие хотят учиться или спать, или приносит к столу незаточенный нож, или говорит по-английски, или выходит в город или в поле без сопровождения товарища, он штрафуются на фартинг; если он приходит после 8 вечера зимой или 9 вечера. летом, он получает штраф в размере пенни; если он ночует или оставляет у себя друга на ночь без разрешения директора, штраф составляет четыре пенсы; если он спит с другим студентом в зале, но не в своей постели, он платит пенни; если он приводит незнакомца на обед, лекцию или любое другое "actum communem" в зале, он штрафуются на два пенсы; Если он будет драчлив и оскорбителен и будет приводить одиозные сравнения, он должен заплатить шесть пенсов; если он нападет на товарища или слугу, Университет назначает наказания в зависимости от тяжести нападения, а за второе нарушение он должен быть исключен. Он должен подчиняться своему директору так же, как члены колледжа подчиняются своему главе, и вместо денежных штрафов директор может публично пороть его по субботним вечерам, даже если его собственный хозяин может подтвердить, что он уже исправил его или заявил о своей готовности исправить его за нарушение устава. Частный мастер или воспитатель, как предполагает доктор Рэшдалл, был, вероятно, роскошью для богатого мальчика, которому его богатство могло принести свое наказание.

Современный человек с удивлением обнаруживает, что университетские уставы и дисциплинарные правила запрещают не только экстравагантную и неподобающую одежду, но иногда и ношение отличительного академического костюма студентами, поскольку отличительный академический костюм был привилегией выпускника. Стипендиат носил обычную священническую одежду, если только основатель колледжа не предписывал ему особую ливрею. Магистр носил *каплу*, такую, как носит вице-канцлер Кембриджа в дни вручения дипломов, с каймой и капюшоном из миневра, как до сих пор носят оксфордские прокторы, и *биретту* или квадратную шапочку. В 1489 году наглость многих оксфордских ученых достигла такого уровня, что они не боялись носить капюшоны по примеру магистров, в то время как бакалавры, чтобы свое проклятие и погубить университет, настолько пренебрегали своими клятвами, что носили капюшоны, не подбитые мехом. Для обоих видов нарушителей были предусмотрены наказания; но хотя оксфордскому бакалавру так и не удалось применить капюшон, он постепенно приобрел *биретту*, за неиспользование которой его сегодняшнего преемника иногда штрафуют. Доктор Рэшдалл объясняет, что

современная мантия или тога произошла от мантии или рясы, которую средневековый магистр искусств носил под своей *каппой*.

Дисциплинарные правила Оксфорда пятнадцатого и шестнадцатого веков можно проследить на примере других университетов. В Лувене существовало что-то вроде прокторской прогулки, которую проводил сотрудник университета, известный как Промотор. Получив за три-четыре часа уведомление от ректора, проректор с прислугой прогуливался по улицам ночью, и он и его "бульдоги" получали штраф с каждого, кого они задерживали. Студентов-нарушителей, пойманных *на месте преступления*, он препровождал в университетскую тюрьму, а о других докладывал ректору. "Непослушные люди" могли быть заключены в монастырь при университете. Оружие, найденное у кого-либо, конфисковывалось. Промотор был также университетским тюремщиком и отвечал за безопасное содержание заключенных, он мог заключать в кандалы опасных заключенных или людей, обвиненных в серьезных преступлениях. Допросы пленников должны были проходить в его присутствии; посетители-мужчины должны были сдать ножи или другое оружие, прежде чем их впустят, а посетители-женщины должны были оставить за собой плащи. Студентам запрещалось ходить по улицам ночью после звона колокола церкви Святого Михаила в девять часов зимой и в десять часов летом, если их не сопровождал врач или "gravis persona" и они не имели при себе факела или фонаря. Список правонарушений в Лувене во многом такой же, как и в других местах, но свод законов XVIII века специально запрещает купание и катание на коньках. Законы, запрещающие брать и давать взаймы, были необычайно строгими, и ни один студент моложе двадцати пяти лет не имел права продавать книги без согласия своего регента, а наказанием для студента XVI века, изучающего искусство, была публичная порка в его собственном колледже.

В Лейпсике университет, как правило, отвечал за дисциплину, иногда даже в тех случаях, когда проступки совершались в колледжах. Запись заседаний ректорского суда с 1524 по 1588 год, опубликованная Фридрихом Зарнке, ученым историком Лейпсика, дает нам множество разнообразных примеров университетской жизни в Германии шестнадцатого столетия. В 1524 году в Лейпсике была университетская тюрьма, и мы видим, как два студента, Филипп Жосман и Эразм Эмпедофил, которые поссорились и оскорбили друг друга, были приговорены к исполнению в тюрьме обязанностей, возложенных на ректора. Шесть или восемь дней тюрьмы - частое наказание за пьяную ссору. В 1545 году чиновник колледжа приводит в ректорский суд одного из своих учеников, Джона Дитца, который проиграл много денег в азартные игры. Дитц и один из его друзей, Каспар Винклер, выигравший у него шесть флоринов и несколько книг, уже были выпороты своими наставниками; теперь они приговорены к тюремному заключению, но, поскольку погода очень холодная, их освободят после одного дня заключения и отправят обратно к своим наставникам, чтобы снова выпороть. Их товарищи должны вернуть все деньги, книги и одежду, которые они выиграли в азартных играх. Студент по имени Валентин Муфф жалуется ректору, что педагог незаслуженно избивает и упрекает его: после разбирательства его приговаривают к розгам "еще раз и еще раз". За бросание камней в окна студента штрафуют на один флорин в дополнение к расходам на их замену. За серьезные моральные проступки полагается штраф в три флорина, причем нередко наказание смягчается. Альтернативой штрафу в три флорина является месячное тюремное заключение, но если погода холодная, то виновного в грубой безнравственности отпускают с двумя флоринами. Пьяный юноша, встретивший вечером несколько девушек и пытающийся заставить их поступить в его колледж, приговаривается к пяти дням тюремного заключения, но освобождается по ходатайству девушек и многих других. Нападение на слугу с ножом карается конфискацией ножа и штрафом в полфлорина, а за проникновение в дом с оружием и ранение пальцев

некоторых его обитателей налагается штраф в полфлорина (разделенный между четырьмя жертвами). Негодяй благородного происхождения, провинившийся в грубой безнравственности и насилии, отказывается явиться в ректорский суд, и его приговаривают к изгнанию. Но его отец обещает удовлетворить университет и потерпевшую сторону, а семь дворян пишут с просьбой помиловать его, и достигается компромисс, по которому он является в суд и платит штраф. За университетский проступок, заключающийся в том, что он держал в качестве сопровождающего мальчика, который не был зачислен в школу, Валентин Лев был оштрафован на три флорина, которые были уплачены. "Но поскольку он оказался добрым и ученым, явил прекрасный образец своей необыкновенной эрудиции, написал ректору и его ассессорам ученые стихи и другие сочинения, в которых просил прощения и скромно оправдывался, и тем более что доктор, сыновей которого он учил, и другие ходатайствовали за него, он легко добился, чтобы флорины были возвращены доктору, который заплатил их за него".

Снисходительность наказаний за серьезные моральные проступки по сравнению со строгим соблюдением закона в меньших вопросах не может не впечатлить современного читателя, но это не характерно для Лейпцига. Штрафы, а в пятнадцатом и шестнадцатом веках и порка часто применялись во всех университетах за жестокие нападения на человека. Доктор Рашдалл приводит случай в Ингольштадте, когда студент, убивший другого в пьяной драке, отделался конфискацией имущества, а наказание в виде исключения было отменено; а в истории колледжа Корпус-Кристи в Оксфорде XVIII века приводятся более поздние примеры наказаний, которые вряд ли можно назвать соответствующими преступлению.

Уставы французских университетов под Парижем и трех средневековых шотландских университетов (Сент-Эндрюс, Глазго и Абердин) содержат множество иллюстраций правил, которые мы уже отмечали в других источниках, но в них мало необычного. В Сент-Эндрюсе, где разрешалась торговля, запрещалась опасная игра в футбол. Факультет искусств в Глазго в 1532 году издал указ, который имеет любопытное сходство с итонским обычаем "отлынивать". Почтение и сыновний страх были настолько важны, говорили магистры, что ни один студент не должен был встречаться с ректором, деканом или одним из регентов открыто на улицах ни днем, ни ночью; как только его замечали, он должен был ускользнуть и убежать, как только мог, и больше его нельзя было найти на улицах без особого разрешения. Наказанием была публичная порка. Аналогично, даже в законную игру нельзя было играть в присутствии регента. Порка была признанным наказанием во всех шотландских университетах; она вошла в систему в Сент-Эндрюсе и Глазго и сразу же была введена в Абердине. Ранние уставы Абердинского университета (Королевского колледжа), к сожалению, существуют только в том виде, в котором они были отредактированы в XVII веке. Они включают в себя рифмованную серию правил поведения за столом, которые, хотя и относятся к постсредневековому периоду, дают нам некоторое представление о застольных манерах средневековых студентов: - *Majorem ne praevenia*

*Majorem ne praevenia -
Locum assignatum teneas -
Mensae assignatae accumbas -
Manibus mundis nudis edas -
Aperientes caput faciem ne obtegas -
Vultus hilares habeas -
Rite in convictu comedas -
Sal cultello capias -*

Salinum ne dejicia-
Manubrium haud aciem porriga-
Tribus cibos digitis prehenda-
Cultro priusquam dente tera-

.....

Ossa in orbem depona-
Vel pavementum jacia-

Modeste omnia facia-

- тис

Ossa si in convivas jacia-
Nedum si illos vulnera-
Ne queramini si vapula-

.....

Post haustum labia deterga-
Modicum, sed crebro biba- .

.....

Os ante haustum evacua-
Ungues sordidulos fugia-.

.....

Ructantes terga reflecta-
Ne scalpatis cavea- .

.....

Edere mementote ut viva-
Non vivere ut comed-

Счета экономиста в Абердине сохранились за часть 1579 года и показывают, что пища шотландского студента сразу после средневекового периода состояла из белого хлеба, овсяного хлеба, говядины, баранины, масла, мелкой рыбы, партанов (крабов), яиц, что, безусловно, превышает питание низших классов в Шотландии того времени. Среди напитков упоминаются лучший эль, второй эль и пиво. Его пища интересовала средневекового студента; разговор двух немецких студентов, изображенный в "Путеводителе для студентов" по Гейдельбергу (см. с. 116), в значительной степени посвящен еде. "Телятина мягкая и плохая: теленок не может видеть свою мать три раза: никто в моей стране не стал бы есть такое: напиток горький". Маленькая книжка показывает нам двух студентов, гуляющих по лугам, и когда они доходят до Неккара, один отговаривает другого от купания (опасное предприятие, запрещенное уставом некоторых университетов, включая Лувенский и Глазго). Они ссорятся из-за книги и едва не доходит до драки; один жалуется, что другой донес на него преподавателю за то, что он спал на лекции. Оба говорят о "лупи", шпионах, которые доносили на студентов, использующих жаргонные слова или посещающих кухню. Эти "волки" были частью административного механизма немецкого университета; устав Лейпсика от 1507 года предписывает, чтобы, согласно древнему обычаю, "лупи" или "синьоры" записывали имена всех студентов, говорящих по-немецки ("vulgarisantes"), чтобы со временем их штрафовали, а деньги тратили на пиры. Один из двух гейдельбергских студентов жалуется, что получил "signum" или плохую отметку "pro sermone vulgariter prolato", а другой был пойман на кухне. Они обсуждают своих учителей; один из них жалуется на лекцию, потому что "nimis alta gravisque materia est". Эта небольшая книга дает в некотором роде замечательную картину немецкой студенческой жизни, с ее интересами и соблазнами; но она поднимает больше проблем, чем решает, и дает новую иллюстрацию того, как трудно пытаться воссоздать жизнь прошлого.

ГЛАВА VI

ПРИШЕСТВИЕ ДЖОКУНДА

Средневековый студент начинал свою академическую карьеру с церемонии посвящения, которая отличалась в разных странах и в разные даты, но которая, насколько нам известно, всегда включала в себя пиршество и обычно предполагала значительный личный дискомфорт. Обозначение "bejaunus" или *bajan*, означающее желтый клюв ("bec jaune"), похоже, почти повсеместно присваивалось первокурснику, и обычай принимать новичка в академическое общество стал к концу Средневековья не просто традицией студенческого этикета, а признанным и общепринятым академическим ритуалом. Традиция, восходящая к очень ранним временам и имеющая множество параллелей за пределами университетской истории, была настолько сильна, что власти, похоже, сочли за благо принять ее и довольствоваться тем, что пытались ограничить расходы и "издевательства", которые она влекла за собой.

Мы не располагаем подробными сведениями о посвящении парижского студента, но устав, принятый университетом в 1342 году, доказывает, что в него были включены оба элемента - издевательства над новичком и пиршества за его счет. В нем говорится о том, что ссоры часто возникали из-за обычая конфисковывать имущество простых ученых по случаю их "бежаунии" и заставлять их тратить на пиры деньги, на которые они собирались жить. Оскорбления, удары и другие опасности являются общими результатами этой системы, и Университет предписывает, чтобы никто не требовал от баджанов ни денег, ни чего-либо другого, кроме "социев", с которыми они живут, и они могут брать только добровольные пожертвования. Баджаны должны под страхом сурового наказания раскрывать имена тех, кто пристает к ним словом или ударом, угрожает им или наносит оскорбления. Преступники должны быть переданы парижскому прокурору для наказания, но не "ad penam sanguinis".

В своде уставов Парижского цистерцианского колледжа XV века (в целом гораздо менее суровом, чем можно было бы ожидать в доме этого сурового ордена) говорится о традициях, сложившихся в колледже в связи с посвящением баджана, и о "insolentias et enormitates multas", которые сопровождали их соблюдение. Поэтому все обряды посвящения запрещены - "все приемы новичков, которые по воле мнения бежанов не должны проходить, cum suis consequentiis, necnon bajulationes, fibraciones... tam in capitulo, in dormitorio, in parvis scholis, in jardinis, quam ubiubi, et tam de die quam de nocte". С этими дурными обычаями должно исчезнуть само имя Аббаса Бежанорума, а все "vasa, munimenta, et instrumenta", используемые для этих церемоний, должны быть отданы. В будущем новоприбывшие должны быть вверены заботам благоразумных старших, которые будут наставлять их в благородных обычаях Колледжа, сообщать об их недостатках в церкви, на прогулках и в играх, следить за их расходами и не допускать, чтобы они переплачивали "pro jocundo adventu" или другими способами. Традиция "jocund adventu" была настолько сильна, что ей нашлось место даже в конституции реформаторов, и мы находим упоминания о ней в других уставах парижских коллежей. В недатированном раннем кодексе, составленном для Коллегии казначеев, членам предписывается честно исполнять свои жокундовы пришествия в соответствии с советами своих сокурсников. В Корнуале новичку предписывается оплачивать свое приключение не слишком скупой и не с обременительной расточительностью, а в соответствии со своим званием и средствами. В колледже Дейнвиля расходы на баджан ограничиваются квартирой хорошего вина ("ultra unum sextarium vini non mediocris suis sociis pro novo sub ingressu seu bejanno non solvat"). В колледже Кембрея казначей должен заплатить двадцать шиллингов за посуду и предоставить пинту хорошего вина для стипендиатов, присутствующих в зале. Доктор Рэшдалл приводит из реестра

Сорбонны случай, когда аббат баджанов был оштрафован на восемь шиллингов (которые должны были быть потрачены на вино) за то, что он не выполнил свои обязанности по очищению баджанов струей воды в День Невинных. Баджанов не только омывали, но и несли в процессии на ослах.

Уставы университетов Южной Франции, особенно Авиньона и Экса, дают нам некоторые дополнительные сведения, и мы располагаем записью заседаний в Авиньоне суда аббата баянов, упомянутого в процитированном нами отрывке из правил цистерцианского колледжа в Париже. Подобные запреты встречаются и в уставах других колледжей.

В Авиньоне братство Святого Себастьяна существовало в основном для очищения баджанов и борьбы со злоупотреблениями, которые росли в связи с приходом джокунда. Один из его уставов, датированный примерно 1450 годом, предписывает, что ни один послушник, обычно называемый баджаном, не может быть допущен к очищению грехов или принять почетное имя студента, пока не заплатит в качестве вступительного взноса в братство сумму в шесть *грошей*. Кроме того, существует ежегодная подписка в размере трех *гросси*, и уплата этих сумм должна обеспечиваться конфискацией книг, если только неплательщик не докажет, что он не в состоянии оплатить вступительный взнос или подписку, в зависимости от обстоятельств. Настоятель и советники Братства имеют право давать послабления на основании бедности. После обеспечения трапезы и принесения клятвы баджан принимается в братство "*jocose et benigne*", теряет свое базовое имя и через год носит почетное звание студента. Дворяне и благодетельствованные священнослужители должны платить вдвое больше. Баджана умоляют соблюдать эти правила "*corde hilarissimo*", а его "*socii*" призывают помнить, что они должны искать не своих вещей, а вещей Христа, и поэтому не должны тратить на праздники ничего сверх шести *грошей*, выплачиваемых баджаном, а посвящать их чести Бога и святого Себастьяна. Суд аббата баджанов в колледже Аннеси, в том же университете, проливает немного больше света на фактическую церемонию очищения. Баджаны вызываются в суд аббата, где каждый из них получает, *условно* говоря, удар ферулой. Все они стоят в суде с непокрытыми головами и сами по себе ("*Mundus ab immundo venit separandus*"); под страхом двух ударов они обязаны молчать ("*quia vox funesta in judiciis audiri non debet*"). Баджан, который терпеливо и честно отслужил свой срок и вот-вот будет очищен, получает, в пародию на инициацию в университете, отрывок из Института для изложения, и его товарищи-баджаны под страхом двух ударов должны с ним спорить. Если он получает разрешение, два последних баджана приносят воду "*pro lavatione et purgatione*". Другие правила аббатского суда касаются обязанностей, которые должен выполнять младший новичок в капелле (и за столом, если не хватает слуг), и предписывают баджанам уступать место старшим и не подходить к огню в зале, когда присутствуют старшие. Никто, ни старший, ни первокурсник, не должен обращаться к баджану "*Domine*", а первокурсник не должен называть старшего баджаном. Суд собирался дважды в неделю и мог налагать наказания как на старших, так и на баджанов, но телесные наказания грозили только "зараженным и фетидиссимым баджанам".

В Эксе свод законов XV века предписывает каждому баджану платить взносы в университет и устраивать пир в честь ректора, казначея и промотора. Ректор должен привести с собой одного ученого, а промотор - двух, чтобы помочь "*ad purgandum bejaunum*", а баджан должен пригласить беделя и других. У ректора можно было получить послабления по причине бедности, и два или три новичка могли совершить свое очищение вместе, "*cum infinitas est vitanda*", даже бесконечности пиров следует избегать. Промотор наносит первый удар сковородой, а ученые, помогающие в чистке, ограничиваются двумя-тремя ударами каждый, поскольку бесконечности ударов также следует избегать. Ректор может смягчить часть

наказания по просьбе знатных или почетных дам, которые случайно присутствуют, так как бесполезно приглашать дам, если нельзя добиться смягчения наказания. Если баджан горд или беспокоен, мольбы дам, которых он пригласил, не помогут; он должен получить три удара от каждого из своих пургаторов без всякой пощады. Если первокурсник не успевал пройти очищение в течение месяца, оно должно было состояться "in studio sub libro super apum"; выбор между книгой и сковородкой в качестве орудия наказания характерен для торжественного одурачивания шутовского пришествия. Изъятие товаров и книг, упомянутое в некоторых из процитированных нами статутах, часто запрещается. В Орлеане статуты запрещают приводить баджана "ut ovis ad occisionem" в таверну, чтобы заставить его потратить деньги, и осуждают этот обычай как провоцирующий "ebrietates, turpiloquia, lascivias, pernoctationes" и другие пороки. Они также запрещают принуждать человека к празднованию наступления праздника, отбирая у него книги, одну или несколько, или требуя от него что-либо. Есть и другие многочисленные упоминания во французских уставах, некоторые из которых осуждают баджанию как достаточно дорогую, чтобы отвратить мужчин от поступления в университет, но подробностей, к сожалению, мало.

Инициация баджана достигла своего наивысшего развития в немецких университетах, где мы находим французскую концепцию баджана, пораженного смертным грехом и нуждающегося в очищении, в сочетании с характерным немецким представлением о нем как о диком животном, которое необходимо приручить. Его перевоспитание было достигнуто с помощью рубанка, шнека, пилы, щипцов и других инструментов, пригодных для удаления рогов, клыков и когтей у опасного животного, а депонирование, или "modus deponendi cornua iis qui in numerum studiosorum co-optari volunt", стало признанной университетской церемонией. Уставы пытаются ее ограничить, например, в Вене баяна не должны притеснять чрезмерными поборами или иными способами домогаться или оскорблять, а в Лейпсике оскорбления не должны принимать форму ударов, камней или воды. В Праге "с теми, кто отбросил свои деревенские нравы и невежество, обращаются более мягко и умеренно, чем в последние годы (1544), и их губы или другие части тела не должны оскверняться грязью или гнилыми и нечистыми веществами, которые вызывают болезни". Но пражский статут предполагает церемонию депонирования, во время которой первокурсник принимается за козла с рогами, которые нужно удалить. Справочник или пособие для немецких студентов, написанное черными буквами и состоящее из диалогов или разговорной латыни (во многом по принципу разговорных словарей для туристов), открывается описанием подготовки к Депонированию. Книга, перепечатанная в книге Зарнке *"Немецкие университеты в средние века"* (Zarncke's *Die Deutschen Universitäten im Mittelalter*,), представляет собой (судя по внутренним данным) картину жизни в Гейдельберге, но написана в общих чертах.

Новоприбывший ищет мастера, чтобы его внесли в списки университета и освободили от баджана. Один из первых вопросов мастера - "Богаты ли ваши родители?", и ему отвечают, что они в меру обеспеченные механики, готовые сделать все возможное для своего сына. Мастер отводит его к ректору, чтобы тот принял его, а затем спрашивает: "Где ты собираешься получить "показания" как баджан?". Мальчик оставляет все приготовления на усмотрение хозяина, напоминая ему о своей бедности, и решено пригласить на церемонию трех магистров, двух холостяков и нескольких друзей хозяина. Предупредив, чтобы он не боялся, если придут незнакомые люди и оскорбят его, ведь это часть традиции появления баяна, хозяин отправляется готовить пир. Затем приходят двое юношей, Камилл и Бартольдус, и делают вид, что их сильно беспокоит дурной запах, настолько сильный, что он чуть не выгнал их из комнаты. Камилл собирается уходить, но Бартольдус настаивает на расследовании причины. Тогда Камилл видит чудовище ужасного вида, с огромными рогами и зубами, носом, изогнутым, как клюв совы, дикими глазами и угрожающими губами.

"Давайте бежать, - говорит он, - чтобы оно не напало на нас". Бартольдус догадывается, что это баджан - существо, которого Камилл никогда не видел, но о свирепости которого слышал. Смелый Бартольдус обращается к баджану. "Господин Иоаннес, - говорит он, - откуда ты пришел? Конечно, ты мой соотечественник, дай мне свою руку". Иоаннес протягивает руку, но в ответ получает возмущенный вопрос: "Ты пришел, чтобы напасть на меня со своими ногтями? Почему ты сидишь, дикий осел? Разве ты не видишь, что здесь присутствуют мастера, почтенные мужи, в присутствии которых тебе подобает стоять?" Иоанн встает и подвергается дальнейшим оскорблениям. Его мучители то изображают жалость к нему и трогательно упоминают о чувствах его матери ("Quid, si mater sciret, quae unice eum amat?"), то вновь переходят к оскорблениям ("O beane, O asine, O foetide hirce, O olens capra, O bufo, O cifra, O figura nihili, O tu omnino nihili"). "Что же нам с ним делать?" - спрашивает Камилл, и Бартольдус предлагает перевоспитать его и принять в свое общество. Но у них должен быть врач. Камилл знаменит и сведущ в медицине, он может удалить ему рога, подпилить зубы, вылечить слепоту и сбрить его длинную и ужасную бороду. Пока он ходит за необходимыми инструментами, Бартольдус говорит жертве, чтобы она не унывала, ведь скоро ее вылечат от всех душевных и телесных недугов и допустят к привилегиям университета. Камилл возвращается с мазью, и они приступают к конной игре, которой сопротивляется Иоаннес (Compesce eius impetus et ut equum intractatum ipsum illum constringe). Клыки и зубы были удалены, жертва, как полагают, умирает, и ее заставляют признаться Бартольду в целом ряде преступлений. Его покаяние заключается в том, что он должен развлекать своих хозяев "largissima coena", не забывая о враче, который только что исцелил его, и об исповеднике, который только что выслушал его исповедь, ибо их тоже нужно развлекать "pingui refectioe". Но этот духовник может только определить меру наказания, он не может дать отпущение грехов, это право принадлежит магистрам. Затем Иоаннеса отводят к хозяину для собственно исповеди. Доктор Рэшдалл описывает эту сцену на основе редкого трактата XVI века, содержащего иллюстрацию отлучения и защиту его Лютером, который оправдывал свое участие в одной из этих церемоний, придавая ей моральный и символический смысл. Баян лежит на столе, подвергаясь строганию бивней, "а на земле лежит пила, что свидетельствует о фактическом снятии шкуры со зверя". В самом произведении и в более поздних апологиях этого института среди орудий пытки упоминаются гребень и ножницы для стрижки волос жертвы, *ушная раковина*, нож для стрижки ногтей; церемония также включает украшение подбородка юноши бородой с помощью жженой пробки или другого пигмента, и введение, внутреннее или внешнее, соли и вина".

В английских университетах мы не имеем никаких следов "jocund advent" в средневековый период, но невозможно сомневаться, что этот вид конных игр существовал в Оксфорде и Кембридже. В уставе Нового колледжа говорится о "самом мерзком и ужасном виде спорта - бритье бород"; его "было принято практиковать в ночь, предшествующую поступлению в магистратуру", но жертвами могли стать первокурсники, как это было во время аналогичных церемоний на празднике дураков во Франции. Антоний а Вуд, рассказывая о своих студенческих годах в середине семнадцатого века, говорит, что в зале Мертон в святые дни, от кануна Всех Святых до Рождества Христова, разжигали костры из древесного угля, и что

"на всех этих кострах каждый вечер, которые начинали разводиться чуть позже пяти часов, старшие студенты приводили в зал младших или первокурсников между этим временем и шестью часами, там заставляли их садиться на форму посреди зала, радуясь столу для декламации; после чего каждый по порядку должен был произнести какую-нибудь красивую апофегму, или пошутить, или произнести какую-нибудь красноречивую чепуху, чтобы рассмешить компанию. Но если кто-то из новичков выходил тупым или неумным, кто-нибудь

из дальновидных или прагматичных старших "укладывал" его, то есть прижимал ноготь большого пальца к подбородку, под нижней губой, и с помощью других пальцев под подбородком делал ему знак, который иногда приводил к появлению крови".

В масленичный вторник 1648 года первокурсники Мертон развлекали других студентов медным горшком, "полным кауделя". Вуд, который был первокурсником, описывает, как

"Каждый первокурсник, в соответствии со старшинством, должен был сорвать с себя мантию и ленту и, по возможности, сделать себя похожим на негодяя. Сделав это, они вели друг друга к высокому столу и там заставляли встать на поставленную на него форму; оттуда они должны были произнести свою речь, обращаясь к компании; если это удавалось хорошо, то говоривший получал чашку с повидлом и без соленого напитка; если безразлично, то немного повидла и немного соленого напитка; если же тупо, то ему не давали ничего, кроме соленого напитка или соли, положенной в колледжский бире, с подтяжками в придачу. После этого, когда они должны были быть приняты в братство, старший повар должен был принести им клятву над старым башмаком, часть которой гласила: "Item tu jurabis quod renniless bench (место в "Карфаксе") non visitabis" и т. д. Остальное забылось, и никто из присутствующих теперь не помнит его. После этого, произнесенного со всей серьезностью, первокурсник снимал туфлю, надевал мантию и ленту и занимал свое место среди старших."

"Это," говорит Вуд, "был способ и обычай, который использовался в колледже, время от времени, для посвящения первокурсников; но между тем временем и восстановлением К. Ch. 2 он не использовался, и теперь такая вещь абсолютно забыта." Все его описание, и особенно пародия на клятву хозяина не посещать Стэмфорд, показывает, что он был прав, приписывая эти церемонии далекой древности, и есть признаки того, что посвящение первокурсников практиковалось и в других местах Оксфорда. Хирн говорит о подобных обычаях в Баллиоле и в Брасеносе, а редактор Вуда в XVIII веке утверждает, что "поразительные следы" этой практики "можно найти во многих обществах в этом месте, а в некоторых очень близкое подобие ее сохранилось до этих нескольких лет". Таким образом, наша цитата из Вуда может служить иллюстрацией отношения к средневековому первокурснику в Оксфорде. Мы не располагаем подробными сведениями о приходе Джокунда в Кембридж, но в средневековых шотландских университетах, где до сих пор сохранилось название "баджан", его реликты существовали и в недавние времена. В Сент-Эндрюсе пиршество с изюмом было последним уцелевшим "стоячим угощением" баджана, а нападения "семикурсников" (студентов второго курса) на выходящих из аудитории баджанов оживляли студенческую жизнь в Абердине вплоть до конца XIX века. В качестве оружия использовались тетради, и избиение абердинских баджанов этими инструментами может быть исторически связано с наказаниями, которые мы находим в некоторых средневековых церемониях посвящения. Было бы причудливо связывать разрывание платья, которое также было характерно для этих нападений, с нападениями на мантию ректора в Болонье.

ГЛАВА VII

ГОРОД И ПЛАТЬЕ

Насилие, характерное для средневековой жизни в целом, вряд ли могло отсутствовать в городах, где множество молодых клерков входили в корпорацию, враждующую с городскими властями. Университетские записи полны сведений об обидах, нанесенных магистрам и студентам горожанами, о привилегиях и иммунитетах, полученных от Папы, короля или епископа за счет бюргеров. Когда основывался новый университет, иногда считалось само

собой разумеющимся, что такие конфликты обязательно возникнут и что горожане обязательно окажутся неправы. Так, герцог Рудольф IV, основывая Венский университет в 1365 году, заранее предусмотрел подобные ситуации, постановив, что нападение на студента, повлекшее за собой потерю конечности или другого члена тела, должно караться отрыванием этого члена от тела нападавшего, а за меньшее увечье - ранением руки преступника ("*debet manus pugione transfigi*"). Преступник мог искупить свою вину штрафом в сто серебряных марок за серьезную травму и в сорок марок за более легкие повреждения, при этом жертва должна была получить половину штрафа. Нападавшие на студентов не должны были пользоваться убежищем. История Оксфорда изобилует бунтами между городом и городом, самый известный из которых - битва в День Святой Схоластики (10 февраля) 1354 года. Бунт возник в результате ссоры в таверне; несколько клерков не одобрили вино в трактире у Карфакса, и (по словам Антония Вуда) "виночерпий, который нагрубил им и нахамил, бросил вино и сосуд ему на голову". Его друзья призвали трактирщика "не терпеть оскорбления" и позвонили в колокол церкви Святого Мартина. Сразу же собралась толпа, вооруженная луками, стрелами и другим оружием; они нападали на каждого проходившего мимо ученого и даже стреляли в канцлера, когда тот попытался унять беспорядки. Справедливо возмущенный канцлер в ответ позвонил в колокол Святой Марии, и собралась толпа студентов, также вооруженных (вопреки многочисленным уставам). Королевская битва продолжалась до ночи, а затем прекратилась, причем ни один ученый или горожанин не был убит, смертельно ранен или покалечен. Если бы на этом все закончилось, об этой истории мало бы кто узнал, но на следующий день горожане разместили восемьдесят вооруженных людей в церкви Святого Джайлса, которые набросились на "некоторых ученых, гулявших после ужина в Бомонте, убили одного из них и ранили других". Последовало второе сражение, в котором горожане, при поддержке некоторых деревенских жителей, победили ученых и разгромили их залы, убивая и рая. Ночь прервала их действия, но на следующий день "с ужасным шумом и криками они пришли и вторглись в дома ученых... а тех, кто сопротивлялся им и стоял на их защите (особенно некоторых капелланов), они убили или нанесли им тяжкие раны..... Короны некоторых капелланов, то есть всю кожу до самой тонзуры, эти дьявольские твари содрали в знак презрения к своему духовенству".

Пострадавший университет был полностью отомщен. Король предоставил ему юрисдикцию над городом и, в частности, контроль над рынком, а епископ Линкольнский наложил на горожан интердикт, который был снят только при условии, что мэр и бейлифы, а также "три десятка самых главных бургеров будут лично являться" каждый день Святой Схоластики в церковь Святой Марии, чтобы отслужить мессу за души убиенных. Традиция, согласно которой они должны были носить недоуздок или шелковые шнуры, не имеет под собой никаких оснований, но каждый из них должен был "принести к алтарю один пенни, из которого сорок пенсов должны были быть розданы сорока бедным ученым университета". Этот обычай, с некоторыми изменениями, пережил Реформацию, и только в XIX веке мэр Оксфорда перестал сожалеть о сражении в День Святой Схоластики.

Дошедшие до нас рассказы о Дне Святой Схоластики и большинстве других беспорядков написаны с точки зрения ученых, но в записях города Оксфорда приводятся менее подробные, но не менее достоверные случаи нападения членов университета. Например, накануне Дня святого Иоанна Крестителя в 1306 году портные Оксфорда праздновали Середину лета "*cum Cytharis Viellis et aliis diversis instrumentis*". После полуночи они вышли "*de shoppis suis*", танцевали и пели на улицах. Клерк, раздраженный шумом, напал на них с занесенным мечом, ранил одного из них и сам был смертельно ранен в стычке. Из двадцати девяти коронерских расследований, сохранившихся за период 1297-1322 годов, тринадцать

- это убийства, совершенные учеными. Нападения на горожан не были простой глупостью студентов, их одобряли и даже возглавляли представители университета. Например, мартовской ночью 1526 года один из прокторов "сел на блок на улице перед лавкой цирюльника Роберта Джерминса, держа в руке топор, черный плащ на спине и шляпу на голове" и организовал бунт, в ходе которого многие горожане были "сбиты с ног и жестоко избиты". На дома горожан нападали, и "этот проктор и его компания... призывали огонь", угрожая сжечь дома и оскорбляя их обитателей нецензурными именами. Когда подобные инциденты были возможны, университету было бесполезно издавать правила или даже наказывать менее возвышенных грешников, и город, должно быть, сильно страдал от бесчинств ученых и "камер-декенов", или притворных ученых университета, которые были ответственны за большую часть бед. В Париже дела обстояли настолько плохо, что Парламенту пришлось издать ряд полицейских постановлений, чтобы подавить банды ученых или притворных ученых, которые бродили по ночам по улицам, переодетые и вооруженные. Они нападали на прохожих, а если их ранили в драке, их друзья-медики, как нам рассказывают, перевязывали им раны, так что утром они ускользали от обнаружения. История каждого университетского города содержит примеры уличных конфликтов - записи Орлеана и Тулузы изобилуют ими, - но мы должны довольствоваться рассказом из Лейпсика.

Страницы "Acta Rectorum" в Лейпсике полны иллюстраций дикой стороны студенческой жизни, из которых мы извлекли историю одного несчастного года. 1545 год начался очень плохо, говорится в "Ректорской хронике", с трех убийств. В День Святых Невинностей во время уличных беспорядков скорняк убил холостяка, а убийце, хотя его и видели некоторые уважаемые горожане, позволили скрыться. Студент, убивший человека в ночь на воскресенье после Богоявления, был наказан университетом в соответствии с его уставом (*то есть* пожизненным заключением в епископской тюрьме). Третье убийство - молодого холостяка, который гулял за городом, когда двое сыновей окрестных деревенщин набросились на него и убили. Их имена были известны, но городские власти отказались принимать меры, а население, полагая, что их не накажут, преследовало членов Университета постоянными оскорблениями и угрозами. После необычайно серьезного нападения *cum bombardis* (в котором, "по божественному милосердию", был ранен молодой механик), университет, не добившись возмещения ущерба, обратился к принцу Морису Саксонскому, который пообещал защитить университет. Состоялась конференция между университетом и городскими властями, были изданы эдикты о запрете ношения оружия, но скины тут же устроили очередное безобразие. Один из них, Ганс фон Бунцель, в Витсандей напал с обнаженным мечом на сына доктора медицины, "юношу (по общему мнению) совершенно безвинного", ранил его в руку и, если бы не неожиданно появившийся другой студент, "без сомнения, убил бы этого превосходного юношу". Преступника преследовали до дома скорняка по фамилии Мейсен, где он и укрылся. Городские власти, вдохновленные вмешательством принца, предложили три альтернативных наказания, и университету было предложено высказаться, должен ли Ганс фон Бунцель лишиться одной из рук, или быть публично выпоротым и изгнанным на десять лет, или же на его руке должно быть выжжено определенное клеймо ("*quod esset manus amittendae signum*") и он должен быть изгнан. Университет ответил, что город должен исполнять повеления князя, и отказался выбирать наказание. В следующий понедельник на рыночной площади был воздвигнут эшафот, на котором были установлены прутья и нож для отсечения руки. "Это приспособление показалось скорнякам слишком свирепым и жестоким, и со всех сторон началось столпотворение, состоявшее не из одних скорняков, но и из механиков всех мастей, ходатайствовавших перед Советом за преступника". Мольбы толпы одержали верх, и все приготовления были убраны с рыночной площади под ропот студентов. После ужина к ректору пришли три старших члена скинов, умоляя смягчить наказание и предлагая самим

избить Ганса в присутствии представителей университета и городского совета с большей жестокостью, чем это мог бы сделать публичный палач, если бы его трижды прилюдно выпороли. Ректор ответил, что должен посоветоваться с университетом, и предложение было отвергнуто в конгрегации. В субботу после праздника Троицы клеймо было сожжено на руке преступника, и как необходимое следствие он был изгнан.

Городские беспорядки не завершают историю насилия. Была и борьба с евреями, а в 1268 году в Оксфорде на месте еврейской ссоры был воздвигнут крест со следующей надписью:...

Quis meus auctor erat? Judaei. Quomodo? Sumptu Quis jussit? Regnans. Quo procurante? Magistri. Cur? Cruce pro fracta ligni. Quo tempore? Festo Ascensus Domini. Quis est locus? Hic ubi sisto.

Враги клерков не всегда выходили за пределы их собственного дома. История Парижа, более ранняя история Оксфорда и история многих других университетов дают нам примеры смертельных схваток между народами. Парижским ученым в XIII и XIV веках приходилось сталкиваться со смертельной враждой монахов аббатства Сен-Жермен, на луг перед которым претендовал факультет искусств. Вид парижских студентов, гуляющих или играющих на Pré-aux-clerics, производил на аббата и монахов примерно такой же эффект, как знаменитые ослы - на волевою тетушку Дэвида Копперфильда, но меры, которые они принимали для пресечения этого безобразия, были менее соразмерны проступку. В один из летних дней 1278 года мастера и ученые отправились отдохнуть на луг, когда аббат выслал вооруженных слуг и монастырских прислужников, чтобы напасть на них. Они пришли с криками "Ad mortem clericorum", смерть клеркам, "verbis crudelibus, ad mortem ad mortem, inhumaniter pluries repetitis". Знаменитый бакалавр искусств и другие клерки были тяжело ранены и брошены в ужасные подземелья; еще одна жертва лишилась глаза. Отступление в город было отрезано, а беглецов преследовали далеко за городом. Кровь лилась рекой, а сбежавшие ученые возвращались в свои залы с разбитыми головами и конечностями, в изорванной одежде. Некоторые из жертв умерли от ран, а монахи были наказаны королем и папой: аббату назначили пенсию, а аббатство обязали содержать двух капелланов, которые должны были читать мессы за ученых. Сорок лет спустя университету снова пришлось обратиться к Папе, чтобы отомстить за нападение прислужников аббатства на ученых, которые ловили рыбу во рву за стенами аббатства. Монахи, конечно, могли изложить иную версию происшествий.

ГЛАВА VIII

ПРЕДМЕТЫ ИЗУЧЕНИЯ, ЛЕКЦИИ И ЭКЗАМЕНЫ

Как мы уже видели, от студента средневекового университета ожидалось, что он будет говорить на латыни, и все обучение велось на этом языке. Поэтому, прежде чем приступить к обучению по университетской программе, необходимо было хорошо знать латынь. Основатели колледжей пытались обеспечить это различными способами, иногда с помощью экзаменов (например, в колледже Корнуайль в Париже никто не принимался в казначеи, пока не проходил экзамен и не оказывался способным читать), а иногда путем предоставления мальчикам возможности обучаться у мастера грамматики. Основатель Нового колледжа решил эту проблему, основав Винчестерский колледж, в котором все уикхемцы (за исключением самых первых членов Нового колледжа) должны были получить основательное образование по латыни. Университету было сложнее настаивать на подобном испытании, но в 1328 году Парижский университет распорядился, что прежде чем юноша будет допущен к привилегиям "учености" или студенчества, он должен предстать перед ректором и сделать свое заявление на непрерывной латыни, без каких-либо французских

слов. Формулы для этой цели, несомненно, вскоре были бы изобретены и переданы по традиции, и эта мера предосторожности не могла иметь большого практического значения. В Средние века существовало множество грамматических школ, и умный мальчик мог найти покровителя и место обучения поблизости от своего дома. Поэтому грамматические школы в университетских городах первоначально не имели особого значения, но многие студенты, поступавшие в тринадцать или четырнадцать лет, нуждались в определенном обучении, как, например, Уильям Уэйнфлетский в связи с грамматической школой, которую он присоединил к Магдалену, или как Уолтер де Мертон считал желательным, когда постановил, что в его колледже должен быть мастер грамматики для обучения бедных мальчиков, и что их старшие должны обращаться к нему в любых затруднениях без ложного стыда ("absque rubore"). Многие университеты предоставляли определенные привилегии мальчикам, изучающим грамматику, внося их имена в списки на получение степени, хотя такое обучение не входило в учебный план для получения степени. Магистры грамматики часто, но не обязательно, были выпускниками университетов; в Париже были как магистры грамматики, так и мастера грамматики. Связь между грамматическими школами и университетом была исключительно тесной в Оксфорде и Кембридже, где стали присваивать степени по грамматике. Оксфордский университет рано принял закон об "инцепторах", которые получали степень по грамматике, и приказал грамматическим мастерам, которые были выпускниками, зачислять *pro forma* имена учеников не выпускников, а также заставлять не выпускников подчиняться правилам университета. Университет также предписывал проводить два раза в семестр собрания грамматических мастеров для обсуждения их предмета и методики его преподавания, что в конечном итоге позволило отнять право лицензирования грамматических мастеров у архидиакона или другого чиновника, которому оно, естественно, принадлежало. В своде законов XIV века для оксфордских грамматических школ предписывается назначать двух магистров искусств для руководства ими, а также дается несколько подробных инструкций по обучению. Мастера грамматики должны задавать стихи и сочинения, которые на следующий день должны быть принесены для исправления; и они должны быть особенно внимательны к тому, чтобы младшие мальчики могли распознавать различные части речи и точно их разбирать. Выбирая книги для чтения с учениками, они должны избегать книг Овидия "de Arte Amandi" и подобных произведений. Мальчиков нужно учить изъясняться как на французском, так и на английском, чтобы они не были невежественны во французском языке. Изучение французского языка не ограничивалось мальчиками-гимназистами: университет признавал целесообразность изучения языка, необходимого для составления хартий, проведения мирских судов и ведения судебных процессов на английский манер, и лекции на французском были разрешены в любой час, который не мешал регулярному преподаванию предметов искусств. Такие лекции проходили под контролем суперинтендантов грамматических мастеров.

Степени, которые Оксфорд и Кембридж присуждали по грамматике, не предполагали проживания и не давали права голоса в Совете; но присуждение сопровождалось церемониями, которые были почти пародией на торжественные процедуры выпуска или приема на признанный факультет, береза заменяла книгу как символ власти и авторитета, доверенных выпускнику. Эсквайр Бедель из Кембриджа в XVI веке оставил для своих преемников подробное описание формы "вступления в магистратуру". Отец факультета грамматики (в Кембридже загадочная личность, известная как "магистр Гломери") приводил своих "сыновей" в церковь Святой Марии на восьмичасовую мессу. "Когда месса отслужена, начинается акт в Грамматике. Патер должен поставить себя перед помостом для фисики (один из помостов, воздвигнутых в церкви для докторов различных факультетов и т.д.) и встать под помостом для фисики. Проктор говорит: Incipiatis. Когда же Отец будет аргюид, как скажет Проктор, Бедеил в искусстве приведет Мастера Грамера к Вышнему канцлеру,

отделив ему Палмер с жезлом, отчего Вышний канцлер передаст его Сейду Мастера Грамера, и так создаст его Мастера. Затем Беделл должен купить для каждого мастера в Греймере землеройного мальчика, которого мастер в Греймере должен открыто поставить в сколи, и мастер в Греймере должен дать мальчику грош за его труд, и еще грош тому, кто обеспечит Род и Пальмер и т.д. de singulis. И таким образом завершается акт на этом факультете". Мы знаем о существовании подобных церемоний в Оксфорде. "Если бы стремление к получению этих степеней по грамматике было широко распространено, - говорит д-р Рэшдалл, - спрос на мальчиков для порки мог бы довольно сильно давить на молодежь Оксфорда; но очень немногие из них упоминаются в университетском реестре".

Основу средневековой программы обучения искусствам можно найти в семи свободных искусствах Темных веков, разделенных на *тривиум* (грамматика, риторика и диалектика) и *квадривиум* (музыка, арифметика, геометрия и астрономия). *Quadrivium* имел сравнительно небольшое значение; геометрии и музыке уделялось мало внимания; арифметика и астрономия поначалу были полезны главным образом для определения даты Пасхи; но введение математических знаний из арабских источников в тринадцатом веке значительно расширило сферу применения геометрии и арифметики, а также добавило изучение алгебры.

Грамматика, которую преподавали в университетах, предполагала знание такого учебника, как Alexander de Villa Dei, и состояла из анализа систем народных грамматиков, основанных на разделе *De barbarismo* в *Ars Grammatica* Aelius Donatus, грамматиста IV века, чей труд стал общепринятым во всей Европе. Латинские поэты читались в грамматических школах, служили для грамматических и филологических изложений в университетах, а изучение риторики во многом зависело от трактатов Цицерона. Диалектика *"Тривиума"* была настоящим интересом средневекового студента среди древних семи предметов, но в программу обучения искусствам стали входить также три философии: физическая, моральная и метафизическая. Герб Оксфордского университета представляет собой книгу с семью застежками, окруженную тремя коронами, застежки символизируют семь свободных искусств, а короны - три философии. Университеты были школами философии, умственной и физической, и внимание студентов в искусстве было направлено в основном на логику, метафизику, физику и этику Аристотеля. До двенадцатого века Аристотель был известен только по переводам на латынь разделов *Органона*, озаглавленных *De Interpretatione* и *Categoriae*, и по логическим работам Боэция. В XII и XIII веках круг средневековых исследований был значительно расширен за счет введения в научный оборот других работ Аристотеля, переведенных частично с арабского, частично непосредственно с греческого. Консерватизм Парижского университета поначалу запрещал изучение нового Аристотеля, но вскоре он стал всеобщим в средневековых университетах. Помимо трудов Аристотеля, как они были известны в Средние века, средневековые студенты читали такие книги, как *"Исагога"* Порфирия, или *"Введение в Аристотеля"*; критику *"Категорий"* Аристотеля, написанную Жильбером де ла Порре и известную как *"Принципия секса"*; полуграмматический, полулогический трактат *"Summulae Logicales"* Петра Хиспанского (папы Иоанна XXI.); *Parva Logicalia* Марсилия Ингенского; *Labyrinthus* и *Grecismus* Эберхарда; комментарии к Писанию Николауса де Лира; *Tractatus de Sphaera*, астрономический труд шотландца XIII века Джона Холивуда (Joannes de Sacro Bosco); они также изучали Присциана, Доната, Боэция, Евклида и Птолемея. В 1431 году *"Новая риторика"* Цицерона, *"Метаморфозы"* Овидия и произведения Вергилия были прописаны в Оксфорде в качестве альтернативы четвертой книге *"Топики"* Боэция. К концу века гуманизм нашел свое место в университетах, а колледжи шестнадцатого века в Оксфорде и Кембридже предусматривали изучение литературы Греции и Рима. В Шотландии средневековое преподавание Аристотеля

господствовало во всех трех университетах до назначения Эндрю Мелвилла директором в Глазго в 1574 году, а в 1580 году ему с некоторым трудом удалось убедить магистров в Сент-Эндрюсе "изучать Аристотеля на его языке".

Лекции были либо "обычными", либо "беглыми" - различие, которое, как показал доктор Рэшдалл, соответствовало "обычным" и "экстраординарным" лекциям в Болонье. Обычные лекции были уставными занятиями, назначаемыми факультетом и проводимыми его надлежащим образом аккредитованными преподавателями в утренние часы, которые были священны для пристрастий магистров. Курсивные лекции читались во второй половине дня, часто бакалаврами; но по мере того как преподавание в колледже становилось более важным, чем лекции в школах, это различие постепенно исчезало. Обычные лекции читались "торжественно" и предполагали медленный и методичный анализ книги. Венский устав предписывает, что ни один магистр не должен читать более одной главы текста "до начала лекции или после ее завершения". Различные ссылки в уставах колледжей и университетов показывают, что беглая лекция не рассматривалась как полный эквивалент обычной лекции. В Оксфорде посещение лекции по книгам или любой книге "Метафизики", "Физики" или "Этики" не засчитывалось для получения степени, за исключением случаев, когда книга в значительной степени посвящена мнениям древних. Третья и четвертая книги "Метафизики" были исключены из этого правила, "поскольку их обычно читают бегло, чтобы обычное чтение других книг проходило быстрее". Беглые лекции были явно любимы учениками, ведь оксфордских грамматистов упрекают в том, что ради выгоды они читают "беглые" лекции вместо "обычных", а в Вене тариф за беглые лекции вдвое выше, чем за обычные. В Париже книги Аристотеля по диалектике должны были читаться "ординарно и не курсорно", а студенты-медики должны были читать некоторые книги "semel ordinarie, bis cursorie". В уставе Гейдельберга "cursorie" противопоставляется "extense". На факультете канонического права существовало дополнительное различие: обычная лекция обычно ограничивалась Decretum; в Оксфорде книга Decretals должна читаться в утренние часы, когда доктора права обычно читают обычные лекции, а в Вене докторам запрещено читать что-либо, кроме Decretals, утром на обычных лекциях. Инструкции, данные венским докторам права, иллюстрируют тщательность средневековой лекции на всех факультетах. Сначала они должны тщательно изложить дело, затем прочитать текст, затем изложить дело заново, затем отметить "notabilia", затем обсудить вопросы, вытекающие из темы, и, наконец, разобраться с глоссами. Так, в Оксфорде магистры искусств должны читать книги по логике и философии "обрядом", с необходимым и адекватным изложением текста, а также с вопросами и аргументами, относящимися к предмету.

До сих пор не решенный вопрос о методах чтения лекций тревожил умы парижских мастеров. Должны ли они были диктовать лекции или говорить так быстро, чтобы их ученики не успевали записывать слова? С точки зрения преподавателей, которые читали частые лекции, все однотипные, и по нескольким заданным книгам, вероятно, было желательно, чтобы не было возможности обладать такими копиями лекций профессора, которые циркулировали, не так много лет назад, в шотландских и немецких университетах. В 1229 году факультет искусств в Париже составил устав о методах чтения лекций. В нем объясняется, что существует два способа чтения книг по гуманитарным наукам. Мастера философии могут читать свои изложения со своих кафедр так быстро, что, хотя умы слушателей могут уловить их смысл, их руки не могут его записать. Так, говорят, было принято на других факультетах. Другой способ - говорить так медленно, чтобы слушатели могли записать то, что они говорят. По зрелом размышлении факультет решил, что первый способ лучше, и отныне на любой лекции, обычной или беглой, или на любом диспуте или другом виде преподавания, магистр должен говорить, как при произнесении речи, и так, как если бы

никто не писал в его присутствии. Преподаватель, нарушивший новое правило, должен был быть отстранен от занятий на год, а если студенты выражали свое неприятие, крича, шипя, стона или бросая камни, их отчисляли на год. Более двухсот лет спустя, в 1452 году, этот закон был отменен кардиналом Эстутвилем, но, скорее всего, он никогда не действовал. Эстутвиль допускал любой способ чтения лекций и довольствовался тем, что запрещал преподавателям использовать вопросы и лекции не собственного сочинения, а также читать свои лекции (какими бы хорошими они ни были) одному из своих учеников в качестве заместителя. Он предписывает магистрам регулярно читать лекции в соответствии с уставом и объяснять текст Аристотеля, "de puncto in punctum", и, считая, что страх и благоговение являются жизненной силой схоластической дисциплины, он повторяет предписание, которое мы находим в 1336 году, о том, что студенты в искусстве должны сидеть не на скамьях или возвышенных сиденьях, а на полу, "ut occasio superbiae a juvenibus secludatur". Название улицы, на которой читались лекции, Vicus Stramineus, как говорят, произошло от соломы, на которой сидели студенты. Вопрос о том, следует ли записывать лекции или нет, волновал магистров и других университетов, помимо парижского, и устав колледжа де Вердаль в Тулузе принимает в 1337 году точку зрения, принятую в Париже за сто лет до этого. Поскольку учеба - это напряженное приложение ума и требует всего человека, ученым запрещено утомлять себя большим количеством лекций - не более двух-трех в день, а на лекциях они не должны записывать слова лектора и, доверяя подобным записям, притуплять свой "собственный интеллект". В школах они не должны пользоваться "incausta" или карандашами, кроме как для исправления книги и т. д. А над тем, что им удалось сохранить в памяти, они должны размышлять без промедления.

Наставление на медитации было полезным методом обучения, но по мере того, как преподавание становилось все более организованным, ученик не оставался без руководства в своих медитациях. Помощь, которую он получал вне лекций, давалась на повторениях или возобновлениях. Процедуру повторения можно проиллюстрировать на примере устава колледжа Дайнвиль в Париже: "Мы постановляем, чтобы все казначеи по грамматике и философии говорили на латинском языке, и чтобы те, кто слушает одну и ту же книгу обычно и бегло, посещали одного и того же мастера (а именно того, кого назначает им мастер [колледжа]), а после лекции они возвращались домой и собирались в одном месте, чтобы повторить лекцию. Один за другим повторяет всю лекцию, чтобы каждый из них хорошо ее знал, и менее продвинутый обязан ежедневно повторять лекции более сведущему". Более поздний кодекс того же колледжа гласит: "Все, кто изучает гуманитарные науки, должны в каждый учебный день читать утром сочинение, то есть речь на латыни, греческом или просторечии, своему господину, будучи готовыми изложить писателя или историка, которого читают на ежедневных лекциях в их школах. В конце недели, то есть в пятницу или субботу, они должны представить своему хозяину резюме всех лекций, которые они прослушали за эту неделю, и каждый день перед тем, как отправиться в школы, они должны повторять одного из философов или богословов, которых выберет хозяин [колледжа] для этой работы". В Лувене время между пятью часами утра и первой лекцией (около семи) тратилось на изучение урока, чтобы студенты могли лучше понять лекцию; прослушав ее, они возвращались в свои комнаты, чтобы пересмотреть ее и запомнить. После ужина их книги выкладывались на стол, и все ученые одного факультета повторяли урок и отвечали на вопросы. Аналогичное представление происходило и за два часа до ужина. После ужина воспитатель в течение получаса угощал их "jocum honestum", а перед тем как отправить их спать, устраивал легкий и приятный диспут. Диспут был подготовкой к диспутам, которые составляли часть того, что мы сейчас называем экзаменами на степень. Тезис выдвигался, атакующий и защищающийся ("impugned and propugned") с использованием надлежащих форм силлогистической аргументации.

Преподавание, как на лекциях, так и в диспутах, изначально было университетским, и младшие магистры искусств, "необходимые регенты", должны были оставаться на несколько лет и читать лекции в школах. Им платили ученые, и первоначальное значение слова "Коллекции", которое до сих пор часто используется в Оксфорде, традиционно считается, что оно связано с оплатой лекций в конце каждого семестра. Так, в Оксфорде студент платил три пенса в семестр (один шиллинг в год) своему регенту за лекции по логике и четыре пенса в семестр за лекции по натурфилософии. Эта система была неудовлетворительной, и как в Париже, так и в Оксфорде и Кембридже она уступила росту преподавания в колледжах. Глава парижского колледжа с самого начала руководил обучением стипендиатов, и, хотя эта обязанность не требовалась от главы Оксфорда или Кембриджа, в уставы английских колледжей постепенно были внесены положения об обучении младших членов старшими. Первый важный шаг в этом направлении был сделан Уильямом Уайкхемским, который распорядился о специальной оплате колледжа стипендиатам, взявшим на себя обучение младших стипендиатов. Его примеру, как и в других вопросах, последовали последующие основатели как Оксфорда, так и Кембриджа, и постепенно университетское преподавание на факультете искусств было почти полностью вытеснено обучением в колледже. В других университетах лекции продолжали читать университетские чиновники.

Средневековые студенты имели склонность "бредить" на лекциях - традиция, которая почти исчезла в Оксфорде и Кембридже, но сохранялась до недавних времен в шотландских университетах. Запреты на шум и беспорядки в лекционных аудиториях содержатся во всех уставах. В Вене студентов факультета искусств призывают вести себя как юные леди (*more virginum*), воздерживаться от смеха, ропота и шипения, а также от срывания расписаний, в которых магистры сообщают о своих лекциях. В Праге поведение молодых дам также ставилось в пример студентам на лекциях, а в Анжере студентов, которые шипели в знак неуважения к доктору, должны были исключать.

Карьера студента делилась на две части его "Решимостью", церемонией, которая является истоком степени бакалавра. В Париже, где, во всяком случае, в ранний период его истории, экзамены были настоящими, "Определению" предшествовали "Ответы", и ни один кандидат не допускался к определению, пока он не удовлетворил регента-магистра в школах, публично "*de Questione respondens*". Сама детерминация представляла собой публичный диспут, после которого детерминатор мог носить бакалаврскую "каппу" и читать лекции по Органону. Он продолжал посещать лекции в школах вплоть до своего "посвящения" в магистры. Вступлению предшествовал экзамен на лицензию и диспут, известный как "Кводлибетика", на котором кандидат выбирал тему. Бакалавр, которому удавалось получить лицензию канцлера, проходил церемонию инцепции и получал магистерскую *биретту*.

Строгость экзаменов в разных университетах и в разное время была разной. Доля успешно сдавших экзамены кандидатов, по-видимому, везде была очень велика, а в некоторых университетах отказ, должно быть, был почти неизвестен. Мы находим упоминания о разочарованных кандидатах, например, в Кане, где студенты-медики, которых "вспахали", должны были дать клятву не навлекать "*malum vel damnum*" на экзаменаторов. Но даже в Лувене, где система экзаменов была полностью развита в Средние века и где в XV веке существовали списки классов (классы различались как *ригорози*, *трансибилы* и *гратиози*), неудача рассматривалась как исключительное событие ("*si autem, quod absit, aliqui inveniantur simpliciter gratiosi seu refutabiles, erunt de quarto ordine*"). Правила проведения экзаменов в Лувене предписывают экзаменаторам не задавать тревожных вопросов ("*animo turbandi aut confundendi promovendos*") и запрещают несправедливое отношение к ученикам определенных мастеров, а также легкомысленные или бесполезные вопросы; хотя на своем

Quodlibeticum бакалавр мог предаваться "jocosas questiones ad auditorii recreationem". Элемент демонстрации, подразумеваемый в последней цитате, никогда не отсутствовал в средневековых экзаменах, и в Оксфорде, похоже, мало что было помимо этого церемониального элемента. Кандидат должен был доказать, что он соблюдал правила посещения лекций и т. д., и получить свидетельства о своей пригодности от нескольких магистров. Бакалавр должен был несколько раз поспорить с мастером, и эти диспуты, которые проводились в монастыре августинцев, стали известны как "остины". Средневековая система, сохранившаяся в Оксфорде в конце XVIII века, описана Висимусом Ноксом.

"Юноша, чье сердце жаждет получить степень бакалавра искусств, должен терпеливо ждать, пока пройдут почти четыре года В течение этого периода он обязан один раз возразить и один раз ответить..... Эти противостояния и ответы называются, на здешнем языке, *"генеральством"*. Два мальчика или мужчины, как они себя называют, договариваются *делать генералы* вместе. Первым шагом в этом могучем деле является добыча аргументов. Они всегда передаются из поколения в поколение на длинных клочках бумаги и состоят из глупых силлогизмов на глупые темы, об основании или значении которых ответчик и оппонент знают не больше, чем младенец в пеленках. Следующий шаг - обратиться за *лицедейством* к одному из мелких чиновников, называемому регент-мастером школ, который подписывает свое имя к вопросам и получает шесть пенсов в качестве гонорара. Когда наступает ответственный день, два смелых спорщика входят в большую пыльную комнату, полную грязи и паутины..... Здесь они сидят за средними партами, друг напротив друга, с часу до трех. Ни разу из ста раз не входит какой-нибудь офицер, а если и входит, то выслушивает один-два силлогизма, затем кланяется и уходит, как пришел, так и остался, в торжественном молчании. Затем участники спора возвращаются к развлечению: режут парты, вырезают свои имена, читают "Сентиментальное путешествие" Стерна или какой-нибудь другой назидательный роман. Когда упражнение выполнено должным образом обеими сторонами, они получают право на титул и знаки отличия *софистов*: но не до они были официально *созданы* одним из регентов-магистров, перед которым они преклоняют колени, пока он кладет им на голову томик сочинений Аристотеля и надевает капюшон, кусок черного крапа, свисающий с их шеи и до пят..... Остаются лишь одна или две пустяковые формы, а также еще один диспут, почти в точности похожий на *генеральский*, но вызванный *отвечать под бакалавром* перед ужасным экзаменом. Каждый кандидат обязан быть проверен по всему кругу наук тремя магистрами искусств *по собственному* выбору..... *Схемы*, как их называют, или маленькие книжечки, содержащие сорок или пятьдесят вопросов по каждой науке, передаются из века в век, от одного к другому. Кандидат тратит три-четыре дня на то, чтобы выучить их наизусть, а экзаменаторы, проделав то же самое до него, знают, какие вопросы задавать, и все проходит гладко. Когда кандидат продемонстрировал свои универсальные знания в области наук, он должен показать свое мастерство в филологии. Один из магистров просит его истолковать отрывок из какой-нибудь греческой или латинской классики, что он и делает, не прерываясь, как ему нравится и как он может. Далее устав требует, чтобы он перевел знакомые английские фразы на латынь. И вот тут-то мастера проявляют свое остроумие и шутливость..... Такое знакомство, однако, имеет место только в том случае, если экзаменаторы являются товарищами кандидата по горшку, что, собственно, обычно и происходит; ведь считается хорошим тоном познакомиться с двумя или тремя веселыми молодыми мастерами искусств и снабдить их портвейном до начала экзамена. Если в школу заходят вице-канцлер и прокторы, что случается крайне редко, то это придает некоторую торжественность Поскольку в комнату обычно не входит ни офицер, ни кто-либо другой (ибо это считается очень *неэлегантным*),

экзаменаторы и кандидаты часто беседуют о последней попойке, о лошадях, читают газеты или романы".

Подача портвейна - это пережиток XVIII века, связанный с пирами, которые сопровождали "Определение" и "Поступление" и с которыми связано множество правил внутреннего распорядка в колледжах и университетах. Упоминание о празднике определения есть в "Пастонских письмах", в которых злополучный Уолтер Пастон, писавший летом 1479 года, за несколько недель до своей преждевременной смерти, говорит своему брату: "И если вы хотите знать, в какой день я был медовухой в Башилере, то я был медовухой в Фрайдей в семь дней, а свой праздник я справил в Мундай после. Я был обещан венисоном в мой праздник миледи Харкорт и мужчиной, но я был лишен и того, и другого; но мои гесты выслушали их с такой мерой, какая у них была, да будет Бог. *Noo have yeo in Hys keeping. Wretyn at Oxon, on the Wedenys day next after Seynt Peter.*"

В заключение нашего обзора можно привести несколько кратких сведений о жизни этого оксонианца XV века. Уолтер Пастон был отправлен в Оксфорд в 1473 году под опеку священника по имени Джеймс Глойс. Его мать не хотела, чтобы он слишком тесно общался с сыном их соседа Томаса Холлера. "Я бы хотела, - говорит она, - чтобы Уолтер сдружился с кем-нибудь получше, чем сын Холлера... но я бы не хотела, чтобы он никогда не уступал ему, потому что он его противник и нехороший человек". Мальчику было предписано "вести себя хорошо, лежать хорошо и быть в хорошем расположении духа", а Глойса попросили "пообещать ему, чтобы он не спешил принимать приказы, которые его побеспокоят".

Принятие ордена в возрасте до двадцати трех лет могло привести, по мнению Маргарет Пастон, к раскаянию на досуге, и "я буду любить его лучше за то, что он хороший светский человек, чем за то, что он развратный священник". В следующий раз мы слышим об Уолтере в мае 1478 года, когда он пишет своей матери, рекомендуя себя ее "доброй модераторше" и прося денег. Он получил 5 фунтов 16 шиллингов. 6d., а его расходы составили £6, 5s. 5d. "Это с лихвой покрывает все мои расходы, которые я занял у мастера Эдмунда, и это составляет 8 шиллингов". Он мог бы обратиться за ссудой в один из "сундуков", которые благосклонные дарители основывали для подобных случаев, положить туда какую-нибудь ценную вещь и получить временную ссуду: но он предпочел занять у своего нового наставника, Эдмунда Альярда. К марту 1479 года Альярд смог успокоить встревоженную мать по поводу выбора профессии ее мальчика: он должен был стать юристом и получить степень бакалавра искусств в Мидсаммере. Его брат, сэр Джон, проживавший в лондонском отеле "Джордж" на пристани Пола, намеревался присутствовать на церемонии, но его письмо не дошло: "У Мартина Брауна в тот же день были мои деньги в мешке, так что он не мог взять их с собой, и то же письмо было в том же мешке, и он забыл взять письмо, и он отправил все в Лондон, так что на следующий день после этого я был большим Бачилером, или чем пришло письмо, и поэтому письмо не попало ко мне". Это последнее, что мы слышим об Уолтере Пастоне. По дороге домой, 18 августа 1479 года, он умер в Норвиче после непродолжительной болезни. Он оставил несколько "тог" своим оксфордским друзьям, в том числе Роберту Холлеру, сыну своего норфолкского соседа, которому он также завещал "*unum pulvinar vocatum le bolstar*". Остальное свое оксфордское имущество он оставил Альярду, а овец и земли - собственной семье. Расходы на его болезнь и похороны составили около тридцати шиллингов. В завещании не упоминается ни одной книги; возможно, они были проданы на его торжественный прием, а возможно, он никогда ими не владел. Будучи студентом младших курсов, он не мог пользоваться огромной библиотекой, которую Хамфри Глостерский подарил университету; но у него были библиотеки поменьше, куда он мог попасть, поскольку книги иногда приковывали цепями в церкви Святой Марии, чтобы ученые могли их читать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мое внимание привлекло (слишком поздно для ссылки в тексте) средневековое латинское стихотворение, в котором дается мрачный отчет о студенческой жизни в Париже в двенадцатом веке. Стихи, напечатанные в *"Американском филологическом журнале"* (т. xi. с. 80), подчеркивают тяготы жизни студента и противопоставляют его жалкое состояние более счастливой участи парижских горожан. Для него нет радости в дни юности, нет надежды даже на состоятельность в будущем. Его жилище убого и запущено, его одежда убога, а внешний вид неряшлив. Его пища состоит из гороха, бобов и капусты, а

"либидо

Mensæ nulla venit nisi quod sale sparsa rigorem

Esca parum flectit".

Его кровать - жесткий матрас, расстеленный на полу, а сон приносит ему лишь скудную передышку от дневных трудов:...

"Sed in illa pace soporis

Pacis eget studii labor insopitus, et ipso

Cura vigil somno, libros operamque ministrat

Excitæ somnus animæ, nec prima sopori

Anxietas cedit, sed quæ vigilaverat ante

Sollicitudo redit, et major summa laboris

Curarum studiis in somnibus obicit Hydram".

В раннем утре он отправляется на лекции, а весь день посвящает учебе. Интересно описание студента на лекции:...

"Aure et mente bibit et verba cadentia promo

Promptus utroque levat, oculique et mentis in illo

Fixa vigilque manet acies aurisque maritat

Pronuba dilectam cupida cum meute Minervam".

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Савиньи: Geschichte der römischen Rechts im Mittelalter. (Гейдельберг, 1834.)
- Сэр Уильям Гамильтон: Дискуссии о философии и литературе, образовании и университетской реформе. (Лондон, 1852.)
- Denifle: Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400. (Берлин, 1885.)
- Rashdall: The Universities of Europe in the Middle Ages. (Оксфорд, 1895.)
- Kaufmann: Geschichte der Deutschen Universitäten. (Штутгарт, 1888.)
- Статья об университетах в *Британской энциклопедии*.
- Archiv für Lit. u. Kirchengeschichte des Mittelalters. Юридические статуты Падуи (1331 г.) в т. VI; документы Саламанки в т. V.
- Малагола: Statuti della università e dei collegi dello studio bolognese. (Болонья, 1888.)
- Денифль и Шателен: Chartularium Universitatis Parisiensis. (Париж, 1889-1897.)
- (Многие уставы парижских колледжей можно найти в книге Felibien: Histoire de la Ville de Paris. Paris, 1725.)

- Антоний Вуд: История и древности Оксфордского университета. (Ed. Gutch. Oxford, 1792-6.)
- -- История и древности колледжей и залов Оксфордского университета. (Ed. Gutch. Oxford, 1786.)
- Anstey: Munimenta Academica. (Rolls Series, 1868.)
- Уставы колледжей Оксфорда. (Лондон, 1853.)
- Кларк: Колледжи Оксфорда. (Лондон, 1892.)
- (Лучший рассказ об Оксфорде можно найти в томе ii., часть ii., "Университеты Европы" д-ра Рэшдалла. Есть две краткие истории университета, написанные Максвеллом Лайтом (Лондон, 1886) и Бродриком (Лондон, 1886).
- Документы, относящиеся к университету и колледжам Кембриджа. (Лондон, 1852.)
- Маллингер: Кембриджский университет с древнейших времен до королевских предписаний 1535 года. (Кембридж, 1873).
- В двух последующих томах мистер Маллингер продолжил повествование до второй половины семнадцатого века, а также написал краткую "Историю Кембриджского университета". (Epochs of Church History. London, 1888.)
- Gherardi: Statuti della università e studio Fiorentino. (Флоренция, 1881.)
- Виллануэва: Устав Леридского университета в "Литературном вестнике испанских церквей". Т. xvi. (Мадрид, 1851.)
- Марсель Фурнье: Les Statuts et Privilèges des Universités françaises depuis leur fondation jusqu'en 1789. (Париж, 1890-92.)
- Dittrich und Spirk: Monumenta Historica Universitatis Pragensis. (Прага, 1830.)
- Kink: Geschichte der Kaiserl. Univ. zu Wien. (Вена, 1854.)
- Hautz: Geschichte der Universität Heidelberg. (Мангейм, 1862.)
- Vernulæus: Academia Lovaniensis. (Лувен, 1667.)
- Моланус: Historiæ Lovaniensium, ed. De Ram. (Брюссель, 1861.)
- Zarncke: Die Statutenbücher der Univ. Leipzig. (Leipzig, 1861.)
- -- Acta Rectorum Univ. Lipsiensis. (Лейпциг, 1858.)
- Свидетельства, принятые и полученные комиссарами шотландских университетов в 1826 году. (Лондон, 1837.)
- Innes: Fasti Aberdonenses. Spalding Club. (Абердин, 1854.)

TURNBULL AND SPEARS, PRINTERS, EDINBURGH

Сноска 1: Тюрьма называлась "Бокардо", потому что, подобно настроению, известному как "Бокардо" в силлогизме, из нее было трудно выбраться.[\(обратно\)](#)